Медведь и Соловей

Автор:
Кэтрин Арден

Медведь и Соловей

Кэтрин Арден

Зимняя Ночь #1

Долгими, суровым зимними ночами маленькая Василиса с братьями и сестрой сидели у огня и слушали нянины сказки. Больше всех Вася любила сказку о Морозе, голубоглазом духе зимы, который забирает неосторожные души.

Спустя некоторое время овдовевший отец Васи привозит из Москвы молодую жену. Глубоко верующая мачеха запрещает своей семье чествовать языческих духов, но Вася боится последствий этого решения. И действительно, на деревню одна за другой обрушиваются невзгоды. Но мачеха становится лишь суровее, намереваясь устроить жизнь в поместье на свой лад, а заодно подготовить мятежную падчерицу к замужеству или постригу. Защита деревни ослабевает, и лесное зло подкрадывается все ближе. Чтобы защитить свою семью от сказочной угрозы, ставшей реальностью, Василиса вынуждена пустить в ход свои опасные умения, которые она так долго скрывала…

Кэтрин Арден

Медведь и Соловей

Katherine Arden

The Bear and The Nightingale

© 2016 by Katherine Arden

© Т. Черезова, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Моей матери с любовью

У лукоморья дуб зеленый;

Златая цепь на дубе том:

И днем и ночью кот ученый

Все ходит по цепи кругом;

Идет направо – песнь заводит,

Налево – сказку говорит…

А. С. Пушкин

Часть I

1. Морозко

На Севере Руси наступил конец зимы: воздух пропитался влагой, которая не была ни дождем, ни снегом. Яркие февральские картины сменились унылым серым мартом, и все домочадцы Петра Владимировича шмыгали носом от сырости и совсем отощали после шестинедельного поста на одном только черном хлебе и квашеной капусте. Однако все забыли про цыпки и мокрые носы, и даже не вспоминали тоскливо про кашу и жаркое: Дуня собралась рассказывать сказку.

Этим вечером старушка устроилась на самом подходящем для рассказов месте: на кухне, на деревянной лавке у печи. Печь была огромная, сложенная из обожженной глины, выше человеческого роста и такая большая, что внутрь вполне могли бы влезть все четыре чада Петра Владимировича. Плоская верхняя часть, полати, служила спальным местом, а разведенный внутри огонь давал возможность приготовить еду и обогревал кухню. Там же можно было устроить баню для хворающих.

– Что вам рассказать сегодня? – спросила Дуня, с удовольствием грея спину.

Дети Петра сидели перед ней на табуретах на скамьях. Они обожали сказки, даже второй сын, Саша, который старался быть набожным и заявил бы (если бы его спросили), что предпочитает провести вечер в молитвах. Однако в церкви было холодно, а на улице не прекращалась морось. Саша высунул было голову за дверь, но, получив в лицо шлепок мокрого ветра, сдался и вернулся на скамью чуть в стороне от остальных, где и устроился, изобразив на лице благочестивое равнодушие.

Остальные на вопрос Дуни ответили возгласами:

– Финист Ясный Сокол!

– Иван-царевич и серый волк!

– Жар-птица! Жар-птица!

Маленький Алеша вскочил на сиденье и замахал руками, чтобы перекричать старших, так что волкодав Петра проснулся и поднял свою крупную, покрытую шрамами башку.

Но Дуня не успела ничего им сказать: входная дверь с шумом распахнулась, впуская в дом рев бури. В дверях появилась женщина, стряхивавшая влагу с длинных черных волос. Лицо у нее покраснело от холода, она казалась даже более худой, чем дети: огонь отбросил тени на запавшие виски, щеки и ямку на шее. Ее глубоко посаженные глаза отразили пламя. Нагнувшись, она подхватила Алешу на руки.

Ребенок радостно завизжал.

– Матушка моя! – крикнул он. – Маменька!

Марина Ивановна устроилась на скамье, придвинув ее ближе к огню. Алеша, оставшийся у нее на руках, вцепился обеими руками в ее косу[1 - На Руси замужние женщины заплетали волосы в две косы и укладывали их венцом на голове. Обязательно покрывались платком. Но в фэнтези допустимы расхождения с историческими фактами. (Прим. ред.)]. Она дрожала, впрочем, под теплой одеждой это было не очень заметно.

– Хоть бы эта несчастная овца сегодня разродилась! – сказала она. – Иначе, боюсь, нам вашего отца больше не увидеть. Рассказываешь сказки, Дуня?

– Если будет тихо, – лукаво отозвалась старуха.

Когда-то давно она была нянькой и у Марины.

– Я хочу сказку, – сразу же откликнулась Марина. Голос ее звучал беззаботно, но во взгляде сквозило беспокойство. Дуня пристально посмотрела на нее. На улице рыдал ветер. – Расскажи нам про Морозко, Дуняша. Расскажи о ледяном чудище, о зимнем царе Карачуне. Он сегодня бродит вокруг и злится на оттепель.

Дуня медлила. Старшие дети переглянулись. На Руси хозяина зимы называли Морозко: он был повелителем холодов. Но когда-то давно народ называл его Карачуном, богом смерти. Под этим именем он властвовал темными зимами, приходил за непослушными детьми ночью и морозил их. Это имя было дурным знаком, и его не следовало произносить, пока царила зима. Марина прижимала к себе сына очень крепко. Алеша заерзал и дернул мать за косу.

– Хорошо, – согласилась Дуня, немного поколебавшись. – Я расскажу вам про Морозко – про его доброту и жестокость.

Она чуть выделила голосом это имя: безопасное, которое не могло накликать на них беду. Марина усмехнулась и разжала руки сына, освободив косу. Остальные не стали протестовать, хотя это была старая сказка, которую все они уже много раз слышали. Рассказанная красивым ясным голосом Дуни, она не могла не радовать.

– В некотором княжестве… – начала Дуня и, замолчав, укоризненно посмотрела на Алешу, который верещал, словно летучая мышь, и подпрыгивал у матери на коленях.

– Тихо, – шикнула на него Марина и снова отдала ему конец своей косы в качестве игрушки.

– В некотором княжестве, – снова повторила старушка с важностью, – жил крестьянин, у которого была красавица-дочь.

– А как ее звали? – пробормотал Алеша.

Он уже достиг того возраста, когда достоверность сказок проверяют, выпытывая у рассказчика точные подробности.

– Ее звали Марфа, – ответила старушка. – Крошка-девонька Марфа. И она была прекрасна как солнечный июньский денек, и к тому же отважная и добросердечная. Вот только матери у Марфы не было: ее матушка умерла, когда она была еще младенчиком. Хотя отец Марфы снова женился, Марфа оставалась без матери, словно настоящая сирота. Потому что, пусть мачеха у Марфы и была хороша собой, как рассказывают, и пекла чудесные пироги, ткала тонкие холсты и варила вкусный квас, сердце у нее было холодное и злое. Она ненавидела Марфу за ее красоту и доброту, и во всем потакала своей родной уродливой и ленивой дочке. Сначала мачеха пыталась превратить саму Марфу в уродину, поручая самую тяжелую работу по дому, чтобы руки у нее стали корявые, спина согнулась, а лицо сморщилось. Вот только Марфа была девочка сильная и, возможно, немного была чародейкой, потому что делала всю работу без жалоб, и с каждым годом становилась все красивее и красивее. И потому ее мачеха… – Тут Дуня увидела, что Алеша снова открывает рот, и добавила: – Дарьей

Николаевной ее звали – увидев, что не удается ей сделать Марфу злой и уродливой, решила раз и навсегда избавиться от девушки. И вот как-то раз в разгар зимы Дарья обратилась к своему мужу и сказала: «Муженек, по-моему, пора нашей Марфе выйти замуж».

А Марфа тогда была в избе, пекла блины. Она посмотрела на мачеху с радостным удивлением, потому что та раньше на нее внимание обращала только для того, чтобы отругать. Вот только ее радость быстро обернулась испугом. «И я нашла ей хорошего мужа. Посади ее на сани и отвези в лес. Мы выдадим ее за Морозко, повелителя зимы. Разве может девица мечтать о лучшем женихе? Он же повелитель белого снега, черных елей и серебряного инея!»

Муженек ее, а звали его Борисом Борисовичем, уставился на жену с ужасом. Борис ведь свою дочку любил, а холодные объятия зимнего бога не для смертных девиц. Но, наверное, Дарья и сама немного ворожить умела, потому что муж ни в чем ей отказать не мог. Со слезами посадил он дочку на сани, завез в глухой лес и оставил у большой ели.

Долго девушка сидела одна, тряслась и дрожала, и замерзала все сильнее. Наконец она услышала громкий топот и треск. Подняла она голову и увидела, что сам Морозко к ней идет: скачет между деревьев и прищелкивает пальцами.

– Но какой он с виду? – спросила Ольга.

Дуня пожала плечами.

– Что до этого, то все разное сказывают. Кто-то говорит, что он просто холодный трескучий ветер, шелестящий между елей. Другие говорят, что он – старик на санях, со сверкающими глазами и ледяными руками. А еще другие твердят, что он похож на воина в расцвете сил, только одет во все белое и оружие у него изо льда. Никто не знает. Но что-то пришло к Марфе, пока она там сидела: ледяной ветер ударил ей в лицо, и стало ей еще холоднее. А потом Морозко заговорил с ней голосом зимней вьюги и бурана: «Тепло ли тебе, красавица?»

Марфа была девушка воспитанная и все свои беды сносила, не жалуясь, и потому ответила: «Тепло, спасибо, государь Морозко». Тут демон хозяин зимы захохотал – и ветер стал еще сильнее. Верхушки деревьев застонали, а Морозко снова спросил: «А теперь? Тепло ли тебе, милая?» Хоть Марфа едва могла

говорить от холода, она снова ответила: «Тепло. Мне тепло, спасибо». Тогда начался настоящий буран: ветер выл и хлестал по лицу так, что бедняжка Марфа уже ждала, что ей всю кожу сорвет. Но Морозко уже больше не смеялся, и когда он снова спросил: «Тепло ли тебе, моя милая?», она ответила, еле шевеля закоченевшими губами, хоть у нее в глазах уже стало черным-черно: «Да… тепло. Мне тепло, государь мой Морозко».

Тогда тот восхитился ее отвагой и сжалился над ее бедой. Он завернул Марфу в свою шубу из синей парчи и посадил на сани. Выехав из леса, он высадил девушку у дверей избы: она так и осталась в великолепной шубе, а в руках держала шкатулку с самоцветами, золотыми и серебряными украшениями. Снова увидев дочку, отец заплакал от радости. А вот Дарья и ее дочь пришли в ярость при виде Марфы, богато одетой и сияющей, да еще и с княжескими богатствами. Так что Дарья повернулась к мужу и сказала: «Муженек, быстрее! Вези мою дочку Лизоньку на своих санях. Те подарки, что Морозко дал Марфе, померкнут рядом с теми, что подарит он моей дочке!»

Хоть в душе Борис и был против этой глупости, он посадил Лизу на сани. На девушке было самое нарядное платье, куталась она в теплые меховые шубы. Отец завез ее далеко в лес и оставил под той же елью. Лиза тоже просидела там долго. Она стала уже сильно замерзать, несмотря на шубы, когда Морозко, наконец, вышел из-за деревьев, прищелкивая пальцами и чему-то смеясь. Пританцовывая, он подошел прямо к Лизе и дохнул ей в лицо – и дыхание его было северным ветром, который промораживает до костей. Он улыбнулся и спросил: «Тепло тебе, милая?» Дрожа всем телом, Лиза ответила: «Конечно, нет, дурень! Неужто не видишь, что я помираю от холода?»

Ветер завыл еще сильнее, дуя резкими до боли порывами. Перекрикивая шум, Морозко спросил: «А теперь? Согрелась ли?» Девица заверещала в ответ: «Нет, идиот! Я замерзла. Мне еще никогда не было так холодно! Я жду моего жениха Морозко, но этот увалень еще не пришел». Когда Морозко это услышал, глаза у него стали жесткими как адамант. Он обхватил ее шею пальцами, наклонился и прошептал девушке на ухо: «А теперь тебе тепло, голубка?» Но девушка не смогла ответить: когда он ее коснулся, она умерла – и теперь лежала замерзшая на снегу.

Дома ждала Дарья, расхаживая туда-сюда. «Две шкатулки золота, не меньше, – говорила она, потирая руки. – Подвенечное платье из лучшего бархата и свадебные одеяла из тонкой шерсти». Ее муж молчал. Тени становились все

длиннее, а ее дочери так и не было видно. Наконец Дарья отправила мужа за девушкой, приказав поосторожнее обращаться с ее шкатулками с сокровищами.

Когда Борис приехал к ели, где утром оставил дочь, никакого сокровища там не оказалось – только сама девушка лежала мертвая на снегу.

С тяжелым сердцем он поднял дочь на руки и привез домой. Мать выбежала встречать их. «Лизонька! – окликнула она ее. – Милая моя!»

И тут она увидела тело дочери, лежащее в санях. В это мгновение палец Морозко дотронулся до сердца Дарьи, и она упала замертво.

Все немного помолчали, оценив услышанное.

А потом Ольга жалобно спросила:

– А что же стало с Марфой? Она вышла за него? За царя Морозко?

– Вот уж и правда, холодные руки, – пробормотал Коля с ухмылкой, ни к кому в особенности не обращаясь.

Дуня строго на него посмотрела, но ответом не удостоила.

– Да нет, Олюшка, – сказала она девочке, – не думаю. Зачем Морозко смертная девушка? Скорее всего, она стала женой какого-нибудь богатого крестьянина, принеся ему самое богатое приданое на всей Руси.

Похоже, Оля собиралась возмутиться таким неромантичным концом, но Дуня уже встала, хрустя костями, и собралась идти спать. Полати были широкими, как большая кровать, и на ней спали старики, малые дети и хворые. Дуня устроилась там с Алешей.

Остальные поцеловали мать и разошлись. Наконец встала и сама Марина. Несмотря на зимнюю одежду, Дуня опять заметила, насколько та исхудала – и сердце у старушки заныло.

«Скоро весна, – утешила она себя. – Леса зазеленеют, а скотина станет давать жирное молоко. И я испеку ей пирог с яйцами, капустой и дичью, и на солнышке она снова станет здоровой».

Однако взгляд Марины наполнял старую нянюшку тревогой.

2. Ведьмина внучка

Ягненок наконец-то вышел: лохматый и тощий, черный, словно мертвое дерево под дождем. Овца принялась решительно вылизывать малыша, и вскоре крошечное создание уже стояло, покачиваясь на своих малюсеньких копытцах.

– Молодец, – сказал Петр Владимирович овце и тоже встал. Ноющая спина запротестовала, когда он ее распрямил. – Но ночку могла бы выбрать и поудачнее.

Ветер за стенами завывал как домовой. Овца равнодушно помахала хвостом. Петр ухмыльнулся и оставил их. Отличный барашек, родился в лоне запоздалого зимнего бурана. Добрый знак.

Петр Владимирович был важным человеком: боярином с богатыми угодьями и множеством людей, готовых выполнять его приказы. Проводил он ночи с рожающими животными исключительно потому, что сам так решил. Однако он неизменно присутствовал при том, как новое существо появлялось на свет, пополняя его стада – и часто извлекал его на белый свет собственными измазанными в крови руками.

Ледяной дождь прекратился, небо начало расчищаться. Несколько отважных звезд уже показались сквозь тучи, когда Петр вышел на двор, закрыв за собой двери хлева. Несмотря на сырую погоду, его дом был почти по крышу погребен скопившимся за зиму снегом. Только островерхая крыша и трубы остались снаружи, да еще пространство у двери, которое дворовые Петра старательно расчищали.

В летней части его просторного дома были большие окна и открытый очаг. Вот только с приходом зимы эту часть закрывали – и сейчас она выглядела совсем заброшенной, засыпанная снегом и скованная льдом. В зимней части дома были громадные печки и маленькие, высоко расположенные окна. Из труб постоянно струился дым, и при первых же заморозках Петр вставлял в оконные рамы куски льда, чтобы останавливать холод, но пропускать свет. Сейчас огонь, горевший в спальне его жены, отбрасывал колеблющуюся полосу золотого света на снег.

Подумав о жене, Петр ускорил шаги. Марина будет рада узнать про ягненка.

Переходы между дворовыми постройками были перекрыты крышами и вымощены бревнами, защищая от снега и грязи. Однако ледяной дождь шел с рассвета, и задуваемая ветром влага пропитала дерево и замерзла. Дорога была коварной, мокрые сугробы, выщербленные каплями дождя, были в рост человека, однако ноги Петра, обутые в валяные и отороченные мехом сапоги, ступали уверенно. Задержавшись на сонной кухне, он полил воды на грязные руки. На печи Алеша заворочался и всхлипнул во сне.

Комната его жены была небольшой – из-за морозов, – но ярко освещалась и, по меркам севера, была роскошной. Деревянные стены были обиты тканью. Прекрасный ковер (часть Марининого приданого) проделал долгий и непростой путь из самого Царьграда. Фантастическая резьба покрывала деревянные скамьи, одеяла из волчьего и заячьего меха лежали дымчатыми грудами.

От небольшой печурки в углу шел яркий свет. Марина еще не ложилась: она сидела у огня, закутавшись в халат из белой шерсти, и расчесывала волосы. Даже после рождения четырех детей волосы у нее оставались густыми и темными, и доходили почти до коленей. В сумеречном свете огня она казалась очень похожей на ту невесту, которую Петр привез в свой дом так много лет назад.

– Все закончилось? – спросила Марина.

Отложив гребень, она начала заплетать косу. Взгляд ее не отрывался от печки.

– Да, – ответил Петр рассеянно. В приветливом тепле он сбросил с себя кафтан. – Красивый барашек. И мать тоже здорова: добрый знак.

Марина улыбнулась.

– Рада, это нам понадобится, – сказала она. – Я жду ребенка.

Петр вздрогнул, запутавшись в рубашке. Он открыл было рот – и снова его закрыл. Такое, конечно, могло быть, вот только она уже стара для этого, а этой зимой настолько похудела…

– Опять? – спросил он.

Выпрямившись, он отложил рубашку в сторону.

По голосу Марина поняла, что он расстроен, и ее губы тронула грустная улыбка. Она закрепила конец косы кожаным шнурком, и только потом ответила.

– Да, – подтвердила она, забрасывая косу на спину. – Девочку. Она родится осенью.

– Марина…

Его жена услышала невысказанный вопрос.

– Я ее хотела, – сказала она. – И сейчас хочу. – А потом совсем тихо добавила: – Хочу такую дочь, какой была моя мать.

Петр нахмурился. Марина никогда не говорила о своей матери. Дуня, жившая с Мариной в Москве, упоминала о ней крайне редко.

В правление Ивана Первого молодая нищенка въехала в ворота кремля – одна, если не считать рослого серого коня.

Она была грязная, голодная и усталая, но за ней по пятам шли слухи. Люди говорили, что она была необычайно грациозная, и глаза у нее были как у сказочной девы Лебедь. В конце концов, слухи достигли ушей великого князя.

– Приведите ее ко мне, – приказал Иван, которого россказни слегка позабавили. – Никогда не видел девицы-лебедушки.

Иван Калита был жестоким князем – властолюбивым, холодным, хитроумным и жадным. Иначе ему было бы не выжить: Москва быстро убивала своих князей. И все же, как потом рассказывали бояре, как только Иван увидел эту девушку, то застыл как вкопанный и сидел, не шелохнувшись. Кое-кто из самых наблюдательных клялся, что, когда он подошел к ней и взял за руку, глаза у него были влажными.

К тому времени Иван был уже дважды вдовцом, и его первый сын был старше его юной возлюбленной, однако спустя год князь женился на этой таинственной девушке. Вот только даже великий князь не смог прекратить пересуды. Княгиня не говорила, откуда явилась – ни тогда, ни потом. Служанки шептались, будто она способна укрощать зверей, видеть будущее и вызывать дождь.

* * *

Петр поднял свою верхнюю одежду и повесил рядом с печкой. Будучи человеком практичным, он всегда отмахивался от слухов. Однако сейчас его жена сидела странно неподвижно и смотрела в огонь. Только пламя плясало, покрывая позолотой ее руку и шею. Петру стало тревожно. Он начал расхаживать по комнате.

Русь была христианской с той поры, как Владимир крестил весь Киев в Днепре и протащил поверженных идолов по улицам. Тем не менее, страна была огромной и менялась медленно. Даже спустя пятьсот лет после появления монахов в Киеве Русь все еще кишела непонятными силами – и какие-то из них мелькали в мудрых глазах странной княгини. Церкви это не нравилось. По требованию епископов Марину – ее единственного ребенка – выдали замуж за боярина из вьюжной глуши, во многих днях пути от Москвы.

Петр часто благодарил свою счастливую судьбу. Его жена была столь же мудрой, сколь и красивой. Он любил ее, а она – его. Однако Марина никогда не говорила о своей матери. А Петр никогда не спрашивал. Их дочь, Ольга, была обычной девочкой, хорошенькой и послушной. Им не нужна была еще одна девочка – и уж точно не нужна была наследница непонятных способностей странной бабки.

– Ты уверена, что у тебя на это хватит сил? – спросил, наконец, Петр. – Даже Алеша стал нежданным, а ведь это было три года назад.

– Да, – ответила Марина, поворачиваясь к нему. Ее рука медленно сжалась в кулак, но он этого не увидел. – Я увижу ее рожденье.

Наступило молчанье.

– Марина, твоя мать была…

Жена ухватилась за руку Петра и встала. Он обхватил ее за талию и почувствовал, как она напряглась.

– Я не знаю, – сказала Марина. – У нее были такие силы, которых нет у меня. Я помню, как в Москве шептались боярыни. Но дар передается женщинам ее рода. Ольга больше твоя дочь, чем моя, а вот эта… – Маринина свободная рука приподнялась, согнувшись так, словно качала ребенка, – …эта будет другая.

Петр обнял жену еще крепче. Она прижалась к нему с неожиданной силой. Ее сердце стучало у его груди. Она была такой теплой в его объятиях! Он почувствовал аромат ее волос, чисто вымытых в бане. «Уже ничего не изменить, – подумал Петр. – Зачем накликать беду?» Он успокаивал себя тем, что женское дело – рожать детей. Жена уже подарила ему четверых, но, конечно же, сумеет родить и еще раз. Если у младенца окажется какая-то странность… ну, совсем не обязательно думать об этом сейчас.

– Тогда носи ее в добром здравии, Марина Ивановна, – сказал он. Его жена улыбнулась. Она сидела спиной к огню, так что он не увидел ее мокрых ресниц. Чуть приподняв ей подбородок, он поцеловал ее. У нее на шее билась жилка. Она была такой худой – хрупкой, словно птичка – под своим плотным халатом. – Ложись в постель, – предложил он. – Завтра будет молоко: овца сможет немного поделиться. Дуня его тебе протомит. Тебе надо думать о малышке.

Марина прижалась к нему. Он подхватил ее на руки, как во времена жениховства, и немного покружил. Она со смехом обняла его за шею. Вот только ее глаза на мгновение устремились за его спину, заглянули в огонь, словно она могла прочесть будущее в языках пламени.

* * *

– Скинь плод, – говорила Дуня на следующий день. – Мне нет дела до того, кого ты носишь: девочку, князя или пророка древности.

С рассветом ледяной дождь нахлынул обратно и сейчас барабанил за окном. Обе женщины жались у печки – ради тепла и ради света, чтобы заниматься штопкой[2 - Штопкой занимались крестьянки. Боярыни и княгини владели искусством вышивания, церковным золотым шитьем. Возможно, здесь боярыня штопает от скуки. (Прим. ред.)].

Дуня сердито воткнула иглу в ткань:

– И чем быстрее, тем лучше. У тебя ни тела, ни сил нет, чтобы выносить дитя, а если каким-то чудом и выносишь, то роды тебя прикончат. Ты уже подарила мужу трех сыновей, и дочка у тебя есть, зачем тебе еще одна?

Дуня была Марининой нянюшкой в Москве, приехала с ней в дом ее мужа и нянчила всех ее четырех детей. Ей было дозволено говорить все, что вздумается.

Марина чуть насмешливо улыбнулась.

– Что за речи, Дуняшка, – сказала она. – А что скажет отец Симеон?

– Отец Симеон родами не помрет, так ведь? А вот ты, Маринушка…

Марина смотрела на свое рукоделие и ничего не отвечала. Однако когда она встретилась взглядом с прищуренными глазами своей нянюшки, Дуня увидела бледное, как снег, лицо, и ей показалось, что она видит, как кровь медленно отступает по ее шее все дальше. Дуня похолодела.

– Деточка, что ты увидела?

– Это не важно, – ответила Марина.

– Скинь его! – повторила Дуня почти с мольбой.

– Дуня, я должна ее родить: она будет как моя мать.

– Твоя мать! Та нищенка, что выехала на коне из леса? Та, которая превратилась в собственную тень, потому что ей невыносимо было всю жизнь прятаться за византийскими ширмами? Забыла, какой посеревшей каргой она стала? Как ковыляла в церковь, закрывая лицо? Как сидела у себя в комнатах и жрала, пока не стала круглой и жирной, с совершенно пустыми глазами? Твоя мать! Неужели ты такого пожелаешь своему ребенку?

Дуня каркала, словно вещая птица: она, на свое горе, помнила ту девушку, которая попала в палаты Ивана Калиты: растерянную, хрупкую и до боли прекрасную, в облаке чудес. Иван потерял голову. Княгиня… ну, возможно, она нашла рядом с ним покой – по крайней мере, ненадолго. Однако ее поселили на женской половине, одели в тяжелую парчу, окружили иконами, прислугой и сытной едой. Понемногу огненное сияние – свет, от которого дух захватывало – померк. Дуня оплакала ее смерть задолго до того, как ее положили в могилу.

Марина горько улыбнулась и покачала головой.

– Не пожелаю. Но помнишь, что было до того? Ты, бывало, мне рассказывала.

– И много ей проку было от волшебства или чудес, – заворчала Дуня.

– У меня только малая часть ее дара, – продолжила Марина, не обращая внимания на свою старую няньку. Дуня достаточно хорошо знала свою госпожу, чтобы услышать в ее голосе сожаление. – А вот у моей дочери будет больше.

– И ради этого стоит оставлять остальных четырех без матери?

Марина опустила глаза.

– Я… нет. Да. Если понадобится. – Ее голос стал еле слышным. – Но я могу и выжить. – Она подняла голову. – Ты дашь мне слово, что о них позаботишься, правда?

– Маринушка, я старая. Я могу тебе пообещать, но когда я умру…

– С ними все будет хорошо. Они… Им придется. Дуня, я не вижу будущее, но до ее рождения я доживу.

Дуня перекрестилась и больше ничего не сказала.

3. Оборванец и чужак

Первая вьюга ноября с воем трепала голые деревья, когда у Марины начались схватки. Крик ее ребенка смешался с завыванием ветра. Марина смеялась, радуясь рождению дочки.

– Ее зовут Василиса, – сказала она Петру. – Моя Вася!

На рассвете ветер унялся. Марина тихо вздохнула – и умерла.

Снег падал на землю, словно слезы в тот день, когда Петр с окаменевшим лицом уложил жену в могилу. Его новорожденная дочь кричала все время похорон – жутковато подвывала, словно унявшийся к тому времени ветер.

И всю ту зиму в доме раздавался детский плач. Дуня с Ольгой не раз совершенно отчаивались: малышка была тощенькой и бледной, одни глаза да дергающиеся ручки и ножки. И не один раз Коля почти всерьез грозился выкинуть ее из дома.

Однако зима прошла, а дитя осталось жить. Девочка прекратила кричать и хорошо росла на молоке крестьянских кормилиц.

Года улетали, словно листья.

В день, очень похожий на тот, в который она появилась на свет, черноволосая Маринина дочка прокралась на зимнюю кухню. Приложив ладони к печке, она вытянула шею, чтобы заглянуть внутрь. Глаза у нее блестели. Дуня снимала плюшки с противня. Весь дом пропитался ароматом меда.

– Плюшки готовы, Дуня? – спросила она, заглянув в печку.

– Почти, – ответила Дуня, оттаскивая девочку подальше, пока у нее не вспыхнули волосы. – Если тихо посидишь на месте, Васочка, и заштопаешь свою сорочку, то получишь одну, целиком.

С мыслями о плюшках Вася послушно пошла на место. На столе уже остывала целая гора – с коричневой корочкой, чуть припорошенной золой. Краешек одной отломился прямо у девочки на глазах. Внутри она оказалась солнечно-золотой – и от нее вверх поднялся парок. Вася проглотила слюнки. Ей казалось, что утренняя каша была съедена чуть ли не год назад.

Дуня бросила на нее предостерегающий взгляд. Вася добродетельно поджала губы и взялась за шитье. Вот только прореха на сорочке была большой, ее голод – громадным, а терпение – ничтожным даже при более благоприятных обстоятельствах. Стежки становились все крупнее и крупнее, словно провалы между зубами старика. Наконец Вася больше не смогла выдержать. Она отложила сорочку и начала подкрадываться к исходящему парком блюду на столе, совсем рядом. Дуня стояла к ней спиной, нагибаясь к печи.

Девочка подкралась еще ближе, бесшумно, словно котенок, охотящийся на кузнечика. А потом она метнулась вперед. Три плюшки исчезли в ее полотняном рукаве. Дуня развернулась, успела увидеть лицо девочки…

– Вася!.. – строго начала она, но та, одновременно испуганная и хохочущая, уже выскочила за порог под хмурое небо.

Осень заканчивалась: серо-коричневые поля были покрыты стерней, припорошенной снегом. С набитым сладким мякишем ртом и мыслями о надежном убежище Вася перебежала через двор, пронеслась мимо крестьянских изб и выскочила за ворота усадьбы. Погода стояла холодная, но Вася об этом не задумывалась. Она родилась в холод и для холода.

Василиса Петровна была уродливой девочкой: худой, как тростинка, с длинными пальцами рук и громадными ступнями. Глаза и рот у нее были непропорционально большими. Ольга прозвала ее лягушонком, совершенно не задумываясь. Однако глаза у девочки были такого же цвета, как лес под весенней грозой, а широкий рот имел чудесную форму. Она могла быть

благоразумной, когда хотела, и хитроумной – настолько, что родные могли только изумленно переглядываться, когда она в очередной раз отбрасывала здравомыслие и вбивала себе в голову какую-то безумную идею.

На самом краю убранного ржаного поля куча рыхлой земли резко выделялась на заснеженном фоне. Накануне ее там не было. Вася пошла посмотреть, в чем дело. На бегу принюхавшись к ветру, она поняла, что ночью пойдет снег. Тучи висели над лесом, словно мокрая овечья шерсть.

Маленький мальчик, девяти лет от роду и уменьшенная копия Петра Владимировича, стоял у края впечатляющей ямы, копая промерзшую землю. Вася подошла к нему и заглянула вниз.

– Это что, Лешка? – спросила она с набитым ртом.

Ее брат навалился на лопату и, щурясь, посмотрел на нее.

– А тебе-то что за дело?

Алеше нравилась Вася, которая была готова на всякие шалости, так что могла считаться почти не хуже младшего брата, но, будучи почти на три года старше, он считал необходимым ставить ее на место.

– Не знаю, – призналась Вася, продолжая жевать. – Плюшку будешь?

Она продемонстрировала оставшуюся половину – не без сожаления, потому что та была самая пышная и меньше других испачкана в золе.

– Давай сюда! – сказал Алеша, бросая лопату и протягивая грязную руку, но Вася встала подальше.

– Скажи, что ты делаешь, – потребовала она.

Алеша возмущенно посмотрел на нее, а она сделала вид, что сейчас съест плюшку. Брат моментально сдался.

– Это – крепость для жилья, – сказал он. – Когда явятся татары. Чтобы можно было здесь спрятаться и утыкать их стрелами.

Вася никогда не видела татар и не представляла себе, какого размера нужна будет крепость, которая от них защитила бы. Тем не менее, она с сомнением посмотрела на яму.

– Не очень-то большая.

Алеша картинно закатил глаза.

– Потому я и копаю, зайчишка, – сказал он. – Чтобы сделать ее больше. Ну что, отдашь?

Вася протянула было плюшку, но остановилась.

– Я тоже хочу копать яму и стрелять в татар.

– А не сможешь. У тебя нет ни лука, ни лопаты.

Вася нахмурилась. Алеша получил собственный нож и лук на седьмые именины, но сколько она ни умоляла, ей оружия не давали.

– Ну и что, – буркнула она. – Копать я могу палкой, а лук батюшка подарит мне попозже.

– А вот и не подарит.

Однако Алеша не стал возражать, когда Вася вручила ему полплюшки и пошла искать палку.

Несколько минут они даже работали рядом в дружелюбном молчании. Вот только копание палкой быстро надоедает, даже если ты то и дело выпрыгиваешь наверх и высматриваешь злобных татар. Вася начала подумывать о том, не получится ли уговорить Алешу бросить строительство крепости и пойти полазить по деревьям, когда вдруг на них пала тень: это явилась их сестрица, Ольга, запыхавшаяся и сердитая. Видно, ее согнали с места у огня,

чтобы отыскать сбежавших братца с сестрицей. Она окатила их гневным взглядом.

– В грязи по уши! И что скажет Дуня?..

Тут Ольга прервалась, чтобы стремительным движением схватить более неуклюжего Алешу за шкирку в тот момент, когда оба ребенка выпорхнули из ямы, словно пара вспугнутых перепелок.

У Василисы были длинные ноги (особенно для девочки) и двигаться она умела быстро, и решила, что пусть ее потом и отругают, но зато она доест последние крошки в тишине. Поэтому она, не оглядываясь, зайцем побежала по пустому полю, огибая пни с радостными воплями, пока, наконец, лес ее не поглотил. Ольга осталась стоять, тяжело дыша и удерживая Алешу за воротник.

– Вот почему ты никогда не ловишь ее? – возмущенно вопросил Алеша, когда Ольга поволокла его назад, к дому. – Ей же всего шесть!

– Потому что я – не Кощей Бессмертный, – ответила Ольга сердито. – И у меня нет коня, который был бы быстрее ветра.

Они зашли на кухню. Ольга поставила Алешу у печи.

– Васю я поймать не смогла, – сообщила она Дуне.

Старушка только глаза закатила. Васю было чрезвычайно трудно поймать, если она не желала быть пойманной. Только Саше это порой удавалось сделать. Дуня обратила свой гнев на съежившегося Алешу. Раздев мальчика, она вытерла его тряпицей, которая, по мнению Алеши, была сделана из крапивы, после чего одела в чистую рубаху.

– Что за безобразие, – ворчала Дуня, оттирая его. – Знай, в следующий раз я все скажу вашему отцу. Вы у него до конца зимы будете носить хворост, рубить дрова и убирать навоз. Полное безобразие! Весь в грязи, ямы копает…

Однако на середине тирады ее прервали. Два рослых Алешиных брата с топотом заявились на зимнюю кухню, принеся с собой запах дыма и скотного двора. В

отличие от Васи, они не стали прибегать к уловкам: двинулись прямо к плюшкам, и каждый засунул себе в рот по одной.

– Ветер южный, – сообщил старший брат, Николай Петрович (которого все звали просто Колей), сестре. Слова у него получались невнятными из-за набитого рта. К Ольге вернулось ее обычное спокойствие, и она сидела с вязаньем у печки. – Ночью пойдет снег. Вот и хорошо: всю скотину завели внутрь, крышу покрыли.

Коля бросил промокшие зимние сапоги у огня и плюхнулся на лавку, прихватив по пути еще одну плюшку.

Ольга с Дуней посмотрели на его сапоги с одинаковым недовольством. Замерзшая грязь заляпала чистый пол. Ольга перекрестилась.

– Если погода меняется, то завтра полдеревни заболеет, – сказала она. – Надеюсь, батюшка успеет вернуться до снегопада.

Она нахмурилась, считая петли.

Второй юноша ничего не говорил: он положил принесенную охапку дров, проглотил плюшку и тут же встал на колени в углу перед иконами. Теперь он перекрестился, встал и поцеловал образ Богородицы.

– Опять молишься, Саша? – бросил Коля с веселой издевкой. – Помолись, чтобы снег был не сильным, а батюшка не простудился.

Юноша пожал худыми плечами. У него были большие серьезные глаза с густыми, как у девушки, ресницами.

– Я и правда молюсь, Коля, – сказал он. – Ты и сам мог бы попробовать.

Он прошел к печи и размотал мокрые онучи. Едкий запах мокрой ткани добавился к уже царящим на кухне запахам грязи, капусты и скотины. Свой день Саша провел с лошадьми. Ольга наморщила нос.

Коля на его выпад не ответил. Он рассматривал промокший сапог: меховая оторочка начала отпариваться. С отвращением хмыкнув, он снова бросил его

рядом со вторым. От обоих начал исходить пар. Печь возвышалась надо всеми ними. Дуня уже поставила томиться ужин, и Алеша следил за горшком, словно кот у мышиной норки.

– Ты чего тут шумела, Дуня? – спросил Саша, который вошел на кухню первым и успел услышать ее гневную речь.

– Вася, – коротко ответила Ольга, после чего рассказала про плюшки и бегство сестры в лес.

Рассказывая, она не переставала вязать. В уголках ее губ притаилась едва заметная улыбка. Она все еще была пухленькой после летнего изобилия – круглолицая и хорошенькая.

Саша рассмеялся:

– Ну, Вася вернется, когда проголодается, – сказал он и перешел к более важным вещам. – В горшке сегодня щука, Дуня?

– Линь, – отрывисто бросила Дуня. – Олег принес на рассвете. Но эта твоя странная сестра слишком мала, чтобы бродить по лесам.

Саша с Ольгой переглянулись, пожали плечами и ничего не ответили. Вася исчезала в лесах с тех пор, как научилась ходить. Она придет домой к ужину, как обычно, принеся горсть кедровых орехов в качестве извинения, раскрасневшаяся и виноватая, ступая в своих сапожках мягко, словно кошка.

Однако на этот раз они ошибались. Холодное солнце скользнуло к земле, тени деревьев стали чудовищно длинными. Уже и сам Петр Владимирович вернулся домой, принеся фазаниху со свернутой шеей. А Вася все не возвращалась.

* * *

Ощущая начало зимы, лес затих. Снега между деревьями лежало больше, чем на полях. Василиса Петровна, наполовину стыдясь, наполовину радуясь своей свободе, доела остатки плюшки, растянувшись на холодной ветке дерева и прислушиваясь к тихим звукам дремлющего леса.

– Я знаю, что ты спишь, когда ложится снег, – сказала она громко, – но, может, проснешься? Смотри, у меня плюшки.

Она протянула руку с доказательством своих слов (там оставались только крошки) и замерла, словно в ожидании ответа. Его не было – только теплый ветер прошумел ветками по всему лесу.

Тогда Вася пожала плечами, собрала языком крошки от плюшки и какое-то время побегала по лесу в поисках кедровых орехов. Однако их уже подъели белки, а в лесу было холодно даже для девочки, которая была рождена для мороза. В конце концов Вася отряхнула одежду от льдинок и кусочков коры и повернула к дому, почувствовав первые угрызения совести. В лесу пролегли густые тени: укорачивающиеся дни стремительно переходили в ночь, так что она заспешила. Ее будет ждать суровая выволочка, но Дуня оставит ей ужин.

Она шла и шла – а потом остановилась и нахмурилась. Повернуть налево у серой ольхи, обогнуть страшный старый вяз – и уже покажутся отцовские поля. Она ходила по этой тропе тысячи раз. Однако теперь тут не оказалось ни ольхи, ни вяза – только несколько елей с черной хвоей и небольшая заснеженная поляна. Вася повернулась и попробовала идти в другую сторону. Нет: тут ей встретились белые березки, стройные, словно девушки, оголенные зимой и дрожащие. Васе стало тревожно. Она не могла заблудиться: она никогда не теряла дороги. С тем же успехом можно заблудиться в собственном доме! Ветер усилился, раскачивая деревья, но теперь это были деревья, которых она не знала.

«Заблудилась», – подумала Вася. Она заблудилась на пороге зимы – и вот-вот пойдет снег. Она снова повернула и попробовала сменить направление. Однако в этом волнующемся под ветром лесу не оказалось ни одного знакомого ей дерева. На глаза навернулись слезы. «Заблудилась, я заблудилась!» Ей захотелось, чтобы рядом были Оля или Дуня, чтобы рядом были отец или Саша. Ей хотелось, чтобы были суп, одеяло и даже штопка!

У нее на пути возвышался дуб. Девочка остановилась. Это дерево было не таким, как все остальные. Оно было больше и чернее других, и корявое, словно злобная старуха. Ветер тряс его громадные черные ветки.

Начиная дрожать, Вася осторожно подошла к дубу. Она прижала ладонь к стволу. Кора была такая же, как у всех деревьев – шероховатая и холодная даже

сквозь меховую варежку. Вася обошла его, разглядывая ветки. А потом посмотрела вниз – и чуть не упала.

У корней дерева лежал человек, свернувшийся, словно зверь, и крепко спал. Ей не видно было его лица: он прикрыл его руками. Сквозь прорехи в одежде виднелась холодная бледная кожа. Он не шелохнулся при ее приближении.

Ну, нет: ему нельзя тут лежать и спать: ведь с юга надвигается снегопад! Он умрет. И, может, он знает, где находится дом ее отца. Вася протянула было руку, чтобы потрясти его и разбудить, но передумала. Вместо этого она громко сказала:

– Дедушка, проснись! Скоро начнется снегопад. Проснись!!!

Минуту или две человек не шевелился. Но когда Вася уже собралась было с духом, чтобы положить руку ему на плечо, послышалось шумное ворчание. Мужчина поднял голову и заморгал одним глазом.

Девочка отпрянула. Одна сторона лица у оборванца была красивой, хоть и чуть грубоватой. Один глаз был серым. А вот второго глаза не было: глазница была зашита, а вся другая сторона лица была сплошь исполосована голубоватыми шрамами.

Здоровый глаз недовольно моргнул – и мужчина сел на пятки, словно для того, чтобы лучше рассмотреть девочку. Он оказался ужасно худым, оборванным и грязным. Сквозь прорехи в рубахе Васе были видны обтянутые кожей ребра. Однако, когда он заговорил, голос у него оказался сильным и низким.

– Ого! – сказал он. – Давненько я не видел русских девиц.

Вася ничего не понимала.

– Ты не знаешь, где мы? – спросила она. – Я заблудилась. Мой батюшка – Петр Владимирович. Если ты приведешь меня домой, он распорядится, чтобы тебя покормили, и даст тебе место у печки. Скоро пойдет снег.

Одноглазый неожиданно улыбнулся. У него оказалось два клыка, гораздо более длинные, чем остальные зубы, и при улыбке они зацепили его губу. Он поднялся на ноги, и Вася увидела, что он высокий и широкой кости.

– Знаю ли я, где мы? – сказал он. – Да, конечно, девочка. Я отведу тебя домой. Но ты должна подойти сюда и помочь мне.

Васю баловали с самого рождения, так что у нее не было особых причин для недоверчивости. Тем не менее, она с места не сдвинулась.

Серый глаз прищурился.

– Что за маленькая девочка пришла сюда совсем одна? – И уже мягче он добавил: – Такие глазки! Я почти вспомнил… Ну, подойди же. – Его голос стал вкрадчивым. – Твой батюшка будет тревожиться.

Он устремил на нее свой серый глаз. Хмурясь, Вася сделала к нему маленький шажок.

Внезапно снег захрустел под копытами коня, который всхрапывал на ходу. Одноглазый отпрянул. Девочка попятилась назад, подальше от его вытянутой руки, а сам оборванец упал на землю в корчах. Лошадь со всадником выехала на поляну. Лошадь была белой и сильной, а когда всадник спешился, Вася увидела, что он худощавый, с резкими чертами лица. Кожа на шее и щеках была туго натянута. На нем была богатая шуба из тяжелого меха, синие глаза сверкали.

– Это что такое? – вопросил он.

Оборванец поежился.

– Не твое дело, – заявил он. – Она пришла ко мне. Она моя.

Пришелец смерил его спокойным холодным взглядом. Его голос заполнил вырубку.

– Да неужели? Спи, Медведь, ведь уже зима.

И хоть тот и попытался протестовать, но снова упал на прежнее место в корнях дуба. Серый глаз закрылся.

Всадник повернулся к Василисе. Девочка попятилась, готовясь броситься наутек.

– Как ты сюда попала, девочка? – спросил мужчина.

Он говорил быстро и властно.

По Васиным щекам потекли слезы смятения. Жадный взгляд одноглазого ее испугал, но яростный напор пришельца тоже был страшен. Однако было в его взгляде что-то такое, что заставило ее перестать плакать. Она посмотрела ему в лицо.

– Я – Василиса Петровна, – сказала она. – Мой батюшка – господин Лесного Края.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга. А потом краткий прилив отваги Василисы испарился: она развернулась и бросилась бежать. Незнакомец не стал пытаться ее преследовать, но когда белая кобылица подошла к нему, он повернулся к ней. Они обменялись долгим взглядом.

– Он становится сильнее, – заметил мужчина.

Кобылица дернула ухом.

Всадник больше ничего не сказал, только посмотрел в ту сторону, куда убежала девочка.

* * *

Выбравшись из-под тени дуба, Вася поразилась тому, насколько быстро наступила ночь. Под деревом царил неясный сумрак, а вот теперь ее окружала ночь, глубокая ночь перед снегопадом, с отяжелевшим воздухом. Лес был наполнен факелами и отчаянными криками. Васе не было до них дела: ей снова начали попадаться знакомые деревья, и ей хотелось только одного: оказаться в объятиях Ольги и Дуни.

Из ночи вынеслась лошадь, всадник которой был без факела. Кобыла заметила ребенка на миг раньше своего седока и резко встала, вскинувшись на дыбы. Вася откатилась в сторону, ободрав ладонь. Она закусила костяшки пальцев, чтобы подавить крик. Всадник выругался знакомым голосом, и в следующее мгновение она уже очутилась на руках у брата.

– Сашка! – зарыдала Вася, утыкаясь лицом ему в плечо. – Я заблудилась. Там в лесу был человек. Два человека. И белая лошадь, и черное дерево… и я испугалась.

– Что за люди? – вопросил Саша. – Где, девочка? У тебя что-то болит?

Он чуть отодвинул ее от себя и начал ощупывать.

– Нет, – дрожащим голосом сказала она. – Нет. Только замерзла.

Саша ничего не сказал. Она чувствовала, что он зол, хотя и посадил ее на лошадь очень бережно. Усевшись позади, он набросил на нее полу плаща. Вася, почувствовав себя в безопасности, прижалась щекой к ухоженной коже его перевязи и постепенно перестала плакать.

Обычно Саша был снисходителен к своей маленькой сестренке, которая вечно увязывалась за ним, пытаясь поднять его саблю или дернуть тетиву лука. Он баловал ее, даже мог подарить огарок свечи или горсть лещины. Однако сейчас страх его перешел в ярость, и в пути он с ней не разговаривал.

Саша бросил клич по сторонам, и постепенно весть о Васином спасении обошла вышедших на ее поиски мужчин. Если бы ее не нашли до начала снегопада, она умерла бы этой ночью, и нашли бы ее только после того, как весна распустила бы ее саван… если бы вообще нашли.

– Дура, – проворчал Саша, когда, наконец, закончил окликать остальных. – Дурочка, что на тебя нашло? Убежала от Ольги, спряталась в лесу! Ты что, решила, будто ты лесная дева, или забыла, что сейчас за время года?

Вася помотала головой. Теперь ее била крупная дрожь. У нее стучали зубы.

– Я хотела доесть плюшку, – сказала она. – Но я заблудилась. Никак не могла найти ствол ольхи. А у дуба встретила человека. Двух людей. И лошадь. А потом стало темно.

Саша хмуро смотрел поверх ее макушки.

– Расскажи-ка мне про этот дуб, – попросил он.

– Он очень старый, – сказала Вася, – и корни торчат высоко. И один глаз. У человека, не у дерева.

Ее затрясло еще сильнее.

– Ладно, не надо пока об этом думать, – решил Саша, и дал шенкеля усталой лошади.

Ольга и Дуня встретили их на пороге. Добрая старушка была вся в слезах, а Ольга бледностью могла поспорить со Снегурочкой из сказки. Они выгребли из печи угли и плеснули на горячие камни воды, чтобы получился пар. Васю бесцеремонно раздели и запихнули под пар, чтобы согреть.

Выволочка началась, как только она вылезла обратно.

– Украла плюшки, – перечисляла Дуня. – Убежала от сестры. Как можно нас так пугать, Васочка?

Она снова заплакала.

Вася, сонная и виноватая, пролепетала:

– Прости, Дуня. Прости меня, прости.

Ее растерли отвратительной горчицей и нахлестали березовым веником, чтобы разогнать кровь. А потом завернули в шерстяное одеяло, перевязали сбитую руку и напоили отваром.

– Это было очень дурно, Вася, – проговорила Ольга.

Она пригладила сестре волосы и устроила ее у себя на коленях. Вася сразу же заснула.

– На сегодня хватит, Дуня, – сказала Ольга, обращаясь к нянюшке. – Завтра успеем поговорить.

Васю положили на полати, и Дуня легла рядом с ней.

Когда сестру, наконец, уложили, Ольга устало присела у печки. Ее отец и братья расправлялись с ужином в углу. Лица у всех были одинаково мрачными.

– С ней все будет хорошо, – сказала им Ольга. – Не думаю, что она простудилась.

– Но заболеть может любой, кого позвали из дома, чтобы ее искать! – огрызнулся Петр.

– Или я могу, – подхватил Коля. – Когда весь день чинишь отцовскую крышу[3 - Боярские дети не работали как мастеровые, но в фэнтези допускаются расхождения правды с вымыслом. (Прим. ред.)], хочется поужинать, а не ехать в ночь с факелами. Я бы ее завтра выпорол.

– И что? – хладнокровно возразил Саша. – Ее и раньше пороли. Не мужское это дело, заниматься девочками. Это должна делать женщина. Дуня старая. Ольга скоро выйдет замуж, и тогда старухе придется растить ребенка одной.

Петр ничего не сказал. Шесть лет прошло с тех пор, как похоронил жену, и он до сих пор не думал о другой женщине, хотя его сватовство приняли бы многие. Вот только дочь его пугала.

Когда Коля ушел спать, они с Сашей остались сидеть в темноте, глядя, как перед иконой догорает свеча. Наконец Петр спросил:

– Ты бы хотел, чтобы твою мать забыли?

– Вася ее не знала, – ответил Саша. – Но рассудительная женщина – не сестра и не добрая старая нянюшка – была бы ей полезна. Скоро с ней невозможно будет сладить, батюшка.

Последовало долгое молчание.

– Вася не виновата в том, что матушка умерла, – добавил Саша совсем тихо.

Петр ничего не ответил. Саша встал, поклонился отцу и задул свечу.

4. Великий князь Московский

На следующий день Петр выпорол дочь, и она плакала, хоть он и не был чрезмерно жесток. Ей запретили уходить из деревни, но в кои-то веки это не было ей в тягость. Она все-таки подхватила простуду, и ее мучили кошмары, в которых она снова видела одноглазого, лошадь и незнакомца на лесной поляне.

Саша, никому не рассказывая, обошел весь лес на западе от усадьбы в поисках одноглазого и дуба с вылезшими на поверхность корнями. Однако он не нашел ни человека, ни дерева. А потом три дня шел снег, очень сильный, так что на улицу никто не выходил.

Их жизнь свелась к повседневной рутине, как всегда бывает зимой: чередование трапез, сна и неспешных мелких дел. Снег собирался в сугробы. Как-то холодным вечером Петр сидел на лавке и обрабатывал прямую ясеневую палку под топорище. Лицо у него застыло, словно окаменело: он вспоминал то, что прежде постарался забыть. «Позаботься о ней, – сказала Марина так много лет назад, когда мертвенная бледность уже растекалась по ее прелестному лицу. – Я ее выбрала, она очень важна. Петя, обещай мне».

Петр, убитый горем, обещал. И тогда жена отпустила его руку и откинулась на подушку, глядя куда-то мимо него. Она коротко улыбнулась – нежно и радостно, – но Петр понимал, что эта улыбка предназначалась не ему. Она больше не говорила и умерла в серый предрассветный час.

«И тогда, – думал Петр, – для нее стали копать могилу, а я наорал на женщин, которые пытались увести меня от мертвой. Я сам, своими руками, обернул саваном ее холодное тело, от которого все еще разило кровью, и сам положил ее в могилу».

Всю ту зиму его маленькая дочь кричала, а ему невыносимо было даже смотреть на младенца, потому что ее мать выбрала ребенка, а не его.

Ну что ж: теперь ему придется это искупать.

Петр прищурился на топорище.

– Я поеду в Москву, когда встанут реки, – объявил он молчаливой комнате.

Там моментально разразились восклицаниями. Вася, которая дремала, отяжелев от жара и горячей медовухи, ойкнула и свесила голову с полатей.

– В Москву, батюшка? – удивился Коля. – Опять?

Петр сжал губы. Он ездил в Москву в ту первую горькую зиму после Марининой смерти. Иван Иванович, единокровный брат Марины, был великим князем, и ради своих детей Петр постарался по возможности сохранить родственные связи. Однако он не взял женщины – ни тогда, ни позже.

– Ты на этот раз намерен жениться, – сказал Саша.

Петр резко кивнул, ощущая на себе взгляды своего семейства. На окраинах женщин хватало, но знатная москвичка принесет связи и деньги. Благосклонность Ивана к мужу своей единокровной сестры не вечна, да и ради маленькой дочери ему нужна жена. Но… «Марина, что я за глупец, раз думаю, что мне этого не вынести».

– Саша и Коля, вы поедете со мной, – распорядился он.

Осуждение на лицах его сыновей моментально сменилось восторгом.

– В Москву, батюшка? – переспросил Коля.

– Ехать туда две недели, если все идет хорошо, – сказал Петр. – Вы мне будете нужны в дороге. И вы никогда не были при дворе. Великому князю следует знать вас в лицо.

Тут на кухне воцарилась сумятица: парни обменивались радостными восклицаниями. Вася и Алеша стали требовать, чтобы их тоже взяли. Ольга стала просить привезти ей украшения и дорогие ткани. Старшие братья злорадно отказывались – и в спорах, мольбах и планах вечер пролетел незаметно.

* * *

Снег падал трижды, ложился плотно и высоко, а после последнего снегопада наступил сильнейший мороз – такой, когда у людей дыханье перехватывает, а слабые телом и духом то и дело мрут в ночи. Это означало, что санный путь открыт, что дороги, которые идут по покрытым снегом рекам, стали глаже стекла, и сверкают снегом колеи, где летом сплошные рытвины и сломанные оси. Братья наблюдали за небом, ощущали холод, метались по дому, смазывали сапоги и натачивали наконечники копий.

Наконец день отъезда настал. Петр с сыновьями встали затемно и вышли на двор, как только начало светать. Их люди уже собрались. На утреннем морозе лица раскраснелись, кони били копытами и храпели, выпуская облачка пара. Конюх заседлал Бурана, норовистого жеребца Петра, и теперь с трудом удерживал его под уздцы. Петр потрепал коня, увернулся от его зубов и взлетел в седло. Конюх с радостью отскочил назад, облегченно вдохнув.

Вполглаза следя за своим норовистым конем, Петр наблюдал и за кажущейся неразберихой, царящей вокруг.

На конюшенном дворе мельтешили люди, кони и сани. Меха кучами лежали рядом с ящиками воска и свечей. Кувшины с брагой и медом соседствовали с тюками сушеных продуктов. Коля с покрасневшим от утреннего мороза носом распоряжался погрузкой последних саней. У него были материнские черные глаза: служанки проходили мимо него с хихиканьем.

Какая-то корзина упала со стуком, подняв облако снежинок, почти под ноги запряженного в сани коня. Животное прянуло вперед и в сторону. Коля успел отскочить, а Петр бросился к нему, но Саша его опередил. Он слетел со своей кобылы с кошачьей ловкостью, и в следующий миг уже остановил коня, шепча ему что-то на ухо. Животное успокоилось и выглядело пристыженным. Петр наблюдал за тем, как Саша выставил указующий палец и что-то сказал. Мужики поспешно взяли коня под уздцы и схватили корзину, вызвавшую переполох. Саша с ухмылкой добавил что-то еще, и все захохотали. Парнишка вернулся в седло. Посадка у него была лучше, чем у брата: он отлично ладил с лошадьми и ловко управлялся с саблей. «Прирожденный воин, – подумал Петр, – и предводитель. Марина, с сыновьями мне повезло».

Ольга выбежала из дверей кухни, а за ней поспешила Вася. Вышитые сарафаны девочек ярко выделялись на снегу. Ольга поддерживала обеими руками фартук, на котором горой лежали темные пышные ковриги, еще горячие после печки. Коля с Сашей уже устремились к ней. Вася дернула второго брата, уплетающего ковригу, за полу.

– Но почему мне нельзя с вами, Сашка? – заканючила она. – Я бы готовила вам ужин. Дуня меня научила. Я могла бы ехать с тобой на твоей кобыле, я ведь маленькая.

Она цеплялась за него обеими руками.

– Не в этот год, лягушонок, – ответил Саша. – Ты, и правда, маленькая – слишком маленькая. – Поймав ее грустный взгляд, он встал на снег на колени и вложил ей в руку остаток хлеба. – Ешь и становись крепче, сестренка, – сказал он, – чтобы подготовиться к путешествиям. Да хранит тебя Бог. – Он положил ладонь ей на голову, а потом запрыгнул на свою бурую лошадь по кличке Мышь.

– Сашка! – воскликнула Вася, но он уже отъехал, отдавая быстрые приказы людям, загружавшим последние сани.

Ольга поймала ее за руку и потянула за собой.

– Пошли, Васочка, – позвала она упирающуюся девочку.

Сестры подбежали к Петру. Последняя коврига уже начала остывать.

– Счастливого пути, батюшка, – пожелала Ольга.

«Как же моя Олечка не похожа на свою мать, – подумал Петр, – хоть лицо у нее точно такое же. Вот и хорошо: Марина была словно ястребица в клетке. Ольга мягче. Я найду ей хорошего мужа». Он улыбнулся дочерям.

– Храни Бог вас обеих, – сказал он. – Может, я привезу тебе мужа, Оля.

У Васи вырвался звук, похожий на тихое рычанье. Ольга засмеялась и покраснела, чуть было не выронив ковригу. Петр успел наклониться с седла и подхватить ее – и порадовался этому: дочь надрезала корку и налила внутрь меда, который потек от жара. Он оторвал большой кусок (зубы у него все были целы) и с наслаждением стал жевать.

– А ты, Вася, – добавил он строго, – слушайся сестру и не уходи далеко от дома.

– Да, батюшка, – отозвалась Вася, все с такой же завистью глядя на коней.

Петр вытер губы тыльной стороной руки. В толпе обозначилось некое подобие порядка.

– Прощайте, дочери, – сказал он. – Мы трогаемся. Держитесь подальше от саней.

Ольга кивнула с легкой печалью. Вася никак не ответила: вид у нее был мятежный. Раздались крики, защелкали бичи – и они уехали.

Молча стояли Ольга и Василиса: они застыли на дворе, слушая звон колокольчиков под дугами, пока утро его не проглотило.

* * *

Через две недели после отъезда, со множеством задержек, но без неприятных оказий, Петр с сыновьями миновал наружные кольца Москвы – этого стремительно разросшегося центра торговых связей на берегах Москвы-реки. Они почуяли город задолго до того, как увидели, потому что он был затянут дымом от десяти тысяч очагов. Но вот, наконец, яркие купола – зеленые, алые и

синие – начали проступать сквозь дымку. Наконец, они увидели и сам город: восхитительный и убогий, словно красивая женщина с облепленными грязью босыми ногами. Высокие золотистые колокольни гордо возносились над отчаявшейся беднотой, а убранные золотом иконы наблюдали бесстрастно за князьями и крестьянками, которые подходили поцеловать их застывшие лики и помолиться.

Улицы представляли собой месиво из грязного снега, взбитое бесчисленными прохожими и проезжими. Нищие с почерневшими от мороза носами хватали братьев за стремена. Коля отталкивал их ногами, а Саша пожимал их грязные руки. Улицы изгибались, уходя в разные стороны. Ехать приходилось медленно, и красное зимнее солнце уже начало клониться к западу, когда они, усталые и заляпанные грязью, наконец, оказались у тяжелых деревянных ворот, окованных медью, с башнями по обеим сторонам. Десяток копейщиков следили за дорогой, на стене выстроились лучники.

Они неприязненно смотрели на Петра, его сани и его сыновей. Однако Петр передал их десятнику кувшин доброй браги, и суровые лица моментально смягчились. Петр поклонился сначала десятнику, а потом его людям, и стражники пропустили его в ворота со словами благодарности.

Кремль был городом в городе: терема, избы, конюшни, кузницы и бесчисленные строящиеся храмы. Хотя первые стены были построены из двурядного дуба, за долгие годы бревна истлели до щепок. Единокровный брат Марины, великий князь Иван начал их заменять еще более мощными стенами. В воздухе стоял запах глины, которой облепляли бревна в качестве слабой защиты от огня. Всюду перекликались плотники, стряхивая опилки с бород. Слуги, священники, бояре, стражники и купцы толкались и ругались. Татары верхом на своих сильных конях оказывались бок о бок с тяжело груженными санями купцов. Все начинали осыпать друг друга громкой бранью по малейшему поводу. Коля глазел на эту толчею, стараясь скрыть неуверенность за гордой осанкой. Его конь дергался от резких движений уздечки.

Петр уже бывал в Москве. Несколько небрежных слов – и нашлись конюшни для их лошадей и место, куда можно было поставить сани.

– Позаботься о конях, – приказал он Олегу, своему самому надежному человеку. – Не отходи от них.

Тут повсюду были ничем не занятые слуги, остроглазые купцы и варварски разряженные бояре. Лошадь могла исчезнуть в мгновение ока, и найти ее было бы невозможно. Олег кивнул и коснулся шершавыми пальцами рукояти длинного кинжала.

Они заранее сообщили о своем приезде, и теперь посланец встретил их у конюшни.

– Вас зовут, господин мой, – сказал он Петру. – Великий князь за столом и приветствует своего брата с севера.

Дорога от Лесного Края была долгой; Петр был грязный, замерзший и усталый.

– Хорошо, – отрывисто бросил он, – мы идем. Оставь это.

Последнее было сказано Саше, принявшемуся вычищать комок льда из копыта своей лошади.

Они плеснули ледяной воды себе на лица, надели кафтаны из толстой шерсти и шапки из блестящего соболиного меха и отстегнули сабли. Кремль представлял собой лабиринт из церквей и деревянных палат, под ногами хлюпало грязное месиво, от повисшего в воздухе дыма резало глаза. Петр быстро шагал за посланцем. Идущий следом Саша щурился на позолоченные купола и разноцветные колокольни. Коля вел себя еще менее сдержанно, но его внимание привлекали в первую очередь прекрасные кони и вооружение их всадников.

Они подошли к двустворчатой дубовой двери, за которой оказался пиршественный зал, набитый людьми и собаками. Громадные столы ломились от роскошных яств. В дальней части зала на высоком резном троне сидел светловолосый мужчина, поедавший ломти мяса, которые отрезал от стоящего перед ним куска, исходившего соком.

Ивана Второго прозвали Иваном Красным, то есть Иваном Красивым. Он был уже немолод – ему было лет тридцать. До него правителем был его старший брат Семен, но и он сам, и все его дети, одной холодной весной умерли от чумы.

Великий князь Московский действительно был очень красив. Его блестящие волосы имели цвет светлого меда. Женщин влекло к золотой красоте князя. А еще он был прекрасным охотником и умело управлялся с гончими и конями. Сейчас его стол ломился под тяжестью блюда с громадным жареным кабаном, приправленным пряными травами.

Сыновья Петра шумно сглотнули. После двух недель пути голод давал о себе знать.

Петр прошел по громадному залу в сопровождении сыновей. Князь не стал отрываться от еды, хотя на них со всех сторон устремлялись расчетливые или просто любопытные взгляды. Громадный очаг, в котором можно было бы зажарить быка, находился прямо за возвышением с княжеским столом, так что лицо Ивана оказывалось в тени, а лица гостей были освещены. Петр с сыновьями подошли к возвышению, остановились и поклонились.

Иван наколок кусок мяса на кончик ножа. Кровь запятнала его светлую бороду.

– Петр Владимирович, верно? – медленно проговорил он, не переставая жевать. Оставаясь в тени, князь окинул его взглядом с ног до головы. – Тот самый, что женился на моей единокровной сестре? – Он глотнул медовухи и добавил: – Да почиет она в мире.

– Да, Иван Иванович, – подтвердил Петр.

– С приездом, брат, – сказал князь и швырнул кость псу, сидевшему подле его трона. – Что тебя привело в такую даль?

– Хотел представить вам моих сыновей, государь, – ответил Петр. – Ваших племянников. Они выросли, им скоро жениться. И, если будет на то воля Божья, я также желал бы найти себе женщину, чтобы мои младшие дети больше не оставались без матери.

– Достойная цель, – согласился Иван. – И это – твои сыновья?

Его взгляд скользнул по юношам, стоявшим у него за спиной.

– Да. Николай Петрович, мой старший, и мой второй сын, Александр.

Коля и Саша шагнули вперед.

Великий князь осмотрел их точно так же, как недавно – их отца. Его взгляд задержался на Саше. У паренька только начала пробиваться бородка, и он был по-мальчишечьи угловат. Однако поступь у него была легкой, и серые глаза смотрели смело.

– Рад встрече, родичи, – сказал Иван, не спуская глаз с младшего сына Петра. – Ты, мальчик, – ты похож на мать. – Смущенный Саша только поклонился и промолчал. Уже громче Иван добавил: – Петр Владимирович, ты желанный гость в моем доме и за моим столом, пока твои дела не завершатся.

Князь быстро кивнул и снова занялся мясом. Отпущенная троица уселась на поспешно освобожденные для них места за главным столом. Коля не нуждался в дальнейшем предложении: бока зажаренного кабана все еще истекали горячим соком. Пирог был начинен сыром и сушеными грибами. Круглый каравай стоял в центре стола вместе с княжеской серой солью. Коля тут же принялся за еду, а вот Саша медлил.

– Как великий князь на меня смотрел, батюшка, – сказал он. – Словно знал мои мысли лучше меня самого.

– Они все такие, выжившие князья, – сказал Петр, беря кусок исходящего паром пирога. – У них слишком много братьев, и все рвутся за очередным городом, за богатой добычей. Либо они хорошо разбираются в людях, либо умирают. Опасайся живых, сынок: они опасны.

С этими словами он сосредоточил все свое внимание на пироге.

Саша нахмурил лоб, но решил наполнить тарелку. В пути им трапезой служили однообразные варева в котелке, да жесткие тонкие лепешки, которыми порой с ними делились гостеприимные соседи. У великого князя стол был отличный, так что они пировали, пока больше уже не влезало.

После этого приезжим отвели три комнаты, холодные и полные насекомых, но они настолько устали, что им было не до этого. Петр распорядился разгрузить сани и устроить всех своих людей на ночь, а потом рухнул на кровать и погрузился в сон без сновидений.

5. Святой с холма Маковец

– Батюшка, – сказал Саша, которого бросало в дрожь от возбуждения, – священник говорит, что к северу от Москвы, на холме Маковец есть святой. Он основал монастырь и уже набрал одиннадцать учеников. Говорят, он беседует с ангелами. Каждый день множество людей отправляются к нему за благословением.

Петр хмыкнул. Он провел в Москве уже неделю, терпеливо изыскивая благосклонность высокородных особ. Его последним предприятием, только что завершившимся, был визит к посланнику татар, баскаку. Ни один человек из Сарая, этого прекрасного города, построенного Золотой Ордой, не соизволил бы восторгаться жалкими подношениями северного правителя, но Петр упрямо заваливал его мехами. Груды лисьих, горностаевых, беличьих и соболиных шкурок проходили мимо расчетливых глаз посланника, пока, наконец, он не растерял часть своего высокомерия, поблагодарив Петра с явной благосклонностью. Такие меха приносили немало золота при ханском дворе и южнее, у византийских аристократов.

«Это было не зря, – думал Петр. – Однажды мне может понадобиться друг в стане завоевателей».

Петр устал и вспотел в своих шитых золотом одеждах. Однако отдохнуть не удавалось: явился его второй сын, взволнованный и нетерпеливый, с рассказом о святых и чудесах.

– Святые не редкость, – сказал Петр Саше, однако неожиданно почувствовал тоску по спокойствию и простой пище: москвичи увлекались византийской кухней, а ее сочетание с исконно русскими продуктами не особо радовало его желудок.

Сегодня их ожидал очередной пир и очередные интриги: он все еще продолжал искать жену себе и мужа Ольге.

– Батюшка, – не отступился Саша, – мне бы хотелось поехать в этот монастырь, если можно.

– Сашка, в этом городе куда ни плюнь – попадешь в храм, – проворчал Петр. – Зачем тратить три дня на то, чтобы съездить к еще одному?

Саша поморщился.

– В Москве священники любят только свое положение. Едят жирное мясо и проповедуют несчастным о нестяжательстве.

Это было правдой, однако Петру, хоть он и был хорошим господином для своих людей, было чуждо абстрактное стремление к справедливости. Он пожал плечами:

– Твой святой может оказаться точно таким же.

– И все-таки мне хотелось бы проверить. Пожалуйста, батюшка!

Хотя глаза у Саши были серые, он унаследовал от матери соболиные брови и длинные ресницы. Сейчас они опустились, придав его худому лицу неожиданную утонченность.

Петр задумался. На дорогах было опасно, однако людный тракт, шедший от Москвы на север, особо опасным не считался. У него не было желания вырастить сына трусом.

– Возьми пять человек. И две дюжины свечей: это должно обеспечить тебе радушный прием.

Лицо парня просияло. Петр стиснул зубы. Маринины кости давно покоились в суровой земле, но он видел на ее лице точно такое же выражение, когда душа освещала ее лицо, словно пламя очага.

– Спасибо, батюшка! – сказал паренек.

Юноша бросился к двери, гибкий, словно куница. Петр услышал, как он на дворе перед теремом созывает людей и требует оседлать ему лошадь.

– Марина, – тихо проговорил Петр, – спасибо тебе за сыновей.

* * *

Троицкая лавра была отвоевана у леса. Хотя ноги паломников уже протоптали дорогу по заснеженному лесу, деревья по-прежнему подступали к ней со всех сторон, заставляя казаться низкой колокольню простой деревянной церкви. Саше вспомнилась его родная деревня в Лесном Краю. Монастырь окружала крепкая ограда, а сам он состоял из небольших деревянных строений. В воздухе пахло дымом и свежим хлебом.

Олег поехал с Сашей, возглавив его свиту.

– Всем внутрь заходить нельзя, – сказал Саша, придерживая лошадь.

Олег кивнул. Все всадники спешились, позвякивая походными уздечками.

– Ты, ты и ты, – распорядился Олег, – следите за дорогой.

Выбранные им люди устроились рядом с дорогой, распустив подпруги. Двое начали собирать хворост. Остальные проехали под перекладиной простых незапертых ворот. Громадные деревья отбрасывали легкие тени на необработанные бревна церквушки.

Худощавый мужчина вынырнул из двери, вытирая испачканные в муке руки. Он был не слишком высок и не особенно стар. Довольно широкий нос, крупные влажные глаза, зеленовато-коричневые, словно лесное озерцо. На нем была грубая монашеская ряса, присыпанная мукой.

Саша его узнал. Монах мог бы одеть рубище нищего или епископское облачение – и Саша все равно его узнал бы. Паренек упал на колени прямо на снег.

Монах замер от неожиданности.

– Что тебя сюда привело, сын мой?

Саша едва осмеливался поднять на него взгляд.

– Благословите, отче! – с трудом вымолвил он.

Монах выгнул бровь.

– Не надо меня так называть: я не рукоположен. Мы все – Божьи дети.

– Мы привезли свечи для алтаря, – пролепетал Саша, не поднимаясь с колен.

Худая, смуглая, мозолистая рука взяла Сашу под локоть и подняла на ноги. С монахом они оказались почти одного роста, хотя паренек уже был шире в плечах, но еще не закончил расти и был голенастым, словно жеребенок.

– Мы здесь преклоняем колена только пред Богом, – сказал монах. Он несколько мгновений вглядывался в Сашино лицо. – Я пеку просфоры для ночной литургии, – неожиданно заявил он. – Идем, поможешь мне.

Саша безмолвно кивнул и взмахом руки отпустил свиту.

Кухня была примитивной и жаркой от натопленной печи. Мука, вода, соль и закваска: их надо было вымесить и испечь на поду. Какое-то время они работали молча – но это молчание не было тягостным. Тут царило умиротворение. А потом монах начал задавать вопросы – так мягко, что паренек даже не заметил, что его расспрашивают. Немного неумело, но очень старательно, он раскатывал тесто и делился своей историей: отцовская знатность, смерть матери, путь в Москву…

– И ты приехал сюда, – завершил за него монах. – Чего ты ищешь, сын мой?

Саша открыл было рот – и тут же снова его закрыл.

– Н…не знаю, – со стыдом признался он, наконец. – Чего-то.

К его удивлению, монах рассмеялся.

– Значит, ты хотел бы остаться?

Саша молча уставился на него.

– Мы ведем здесь суровую жизнь, – уже серьезно продолжил монах. – Тебе пришлось бы самому построить себе келью, посадить огород, печь хлеб, при необходимости помогать братьям. Но здесь царит мир – такого нигде нет. Я вижу, что ты это почувствовал. – Видя, что Саша не может опомниться от изумления, он добавил: – Да-да, сюда приходит много паломников, и многие из них просят разрешения остаться. Но мы принимаем только ищущих, которые не осознали еще, что именно они ищут.

– Да, – проговорил Саша, наконец, очень серьезно. – Да, я хотел бы остаться. Очень хотел бы.

– Вот и хорошо, – сказал Сергий Радонежский, снова принимаясь за выпечку просфор.

* * *

На обратном пути в Москву они усердно погоняли коней. Олегу показалось подозрительным восторженное выражение лица молодого господина. Он держался рядом с Сашей – и принял решение по приезде поговорить с Петром. Однако молодой господин добрался до отца первым.

Они въехали в столицу в момент краткого яркого заката: колокольни и башенки теремов четкими силуэтами смотрелись на фоне лилового неба. Саша оставил свою взмыленную лошадь во дворе и сразу же побежал вверх по лестнице в отцовские покои. Он застал отца и Колю за переодеванием.

– Добро пожаловать, братец, – сказал Коля вошедшему Саше. – Ну что, еще не закончил церковные дела? – Бросив на Сашу беглый снисходительный взгляд, он снова занялся своей одеждой. Прикусив кончик языка, он пристроил себе на

черноволосую макушку черную соболью шапку. – Ты вовремя. Смывай с себя дорожную вонь. Сегодня у нас пир, и, возможно, родня покажет нам женщину, на которой женится наш батюшка. У нее все зубы целы (я узнал это у людей осведомленных) и она славная… Что-что, Саша?

– Сергий Радонежский позвал меня к себе в монастырь на холме Маковец! – повторил Саша громче.

Коля посмотрел на него недоуменно.

– Я хочу стать монахом, – объявил Саша.

Теперь уже внимание обоих принадлежало ему целиком. Петр, натягивавший сапоги с красными каблуками, так резко развернулся к сыну, что чуть было не упал.

– Зачем? – вскричал Коля в полном ужасе.

Саша стиснул зубы, чтобы не ответить что-нибудь резкое: его брат уже успел покуролесить с женской прислугой царских хором.

– Чтобы посвятить свою жизнь Богу, – сообщил он Коле несколько высокомерно.

– Как я вижу, твой святой произвел немалое впечатление, – заметил Петр, прежде чем Коля успел опомниться.

Он уже вернул равновесие и натягивал второй сапог… возможно немного более энергично, чем необходимо.

– Я… да, это так, батюшка.

– Хорошо, я разрешаю, – сказал Петр.

Коля изумленно открыл рот. Петр поставил ногу на пол и выпрямился. На нем был кафтан, охряный и ржаво-коричневый, золотые перстни на пальцах блестели при свете свечей. Волосы и бороду он расчесал с благовонным маслом и выглядел одновременно внушительно и неловко.

Саша, ожидавший долгих сражений, изумленно воззрился на отца.

– С двумя условиями, – добавил Петр.

– Какими?

– Во-первых, ты не станешь посещать этого святого, пока не отправишься поступать в его монастырь. А это произойдет только после следующего сбора урожая, чтобы у тебя было время на размышления. Во-вторых, ты должен помнить, что если станешь монахом, то твоя доля наследства отойдет твоим братьям, так что жить тебе придется только на твои молитвы.

Саша судорожно сглотнул:

– Но, батюшка, если бы я только мог еще раз с ним увидеться…

– Нет! – отрезал Петр тоном, не допускающим возражений. – Ты можешь становиться монахом, если пожелаешь, но сделаешь это с открытыми глазами, а не зачарованный словами какого-то отшельника.

Саша неохотно кивнул.

– Хорошо, батюшка.

Петр, чуть более мрачный, чем обычно, повернулся, не говоря больше ни слова, и зашагал вниз, туда, где их уже ожидали кони, задремавшие в сумерках.

6. Бесы

У Ивана Красного был всего один сын: маленький светловолосый постреленок Дмитрий Иванович. Алексию, митрополиту Московскому, верховному иерарху Руси, поставленному самим патриархом Константинопольским, было поручено обучать мальчика грамоте и управлению государством. Бывали дни, когда Алексию казалось, что это посильно только чудотворцу.

Мальчишки уже три часа корпели над берестой: Дмитрий и его старший двоюродный брат, Владимир Алексеевич, юный княжич Серпуховской. Они пихались, то и дело что-то роняли. «С тем же успехом, – думал Алексий, отчаиваясь, – можно было просить кошек сидеть и слушать».

– Батюшка! – закричал Дмитрий. – Батюшка!

Иван Иванович переступил через порог. Мальчишки тут же вскочили с лавки и поклонились, толкая друг друга.

– Ступайте отсюда, сыны, – сказал Иван. – Я желаю поговорить с Его Высокопреосвященством[4 - Ваше Высокопреосвященство – обращение к митрополиту, лицу, носящему второй после патриарха духовный сан. (Прим. ред.)].

Мальчишки тут же исчезли. Алексий опустился в кресло у печи и щедро плеснул себе меда.

– Как мой сын? – спросил Иван, устраиваясь напротив него.

Великий князь и митрополит знали друг друга давно. Алексий был ему предан еще до того, как смерть Семена сделала Ивана правителем.

– Смелый, красивый и привлекательный, ветреный словно мотылек, – ответил Алексий. – Он станет хорошим князем, если доживет до этого момента. Почему вы ко мне пришли, Иван Иванович?

– Из-за Анны, – коротко ответил Иван.

Митрополит нахмурился:

– Ей стало хуже?

– Нет, но ей никогда не станет лучше. Она уже в таких годах, что ей не след бродить по терему и пугать людей.

Анна Ивановна была единственным ребенком от первого брака Ивана. Мать девицы умерла, а мачеха ее ненавидела. Встречаясь с княжной, люди что-то бормотали и спешно крестились.

– У нас монастырей хватает, – заметил Алексий. – Несложное дело.

– Только не московский монастырь, – сказал Иван. – Жена слышать о таком не желает. Она говорит, что если девица будет поблизости, это вызовет пересуды. Безумие – неслыханное дело для княжеской семьи. Ее следует отослать подальше.

– Я это устрою, если хотите, – проговорил Алексий устало. Ему уже очень многое приходилось улаживать по просьбе этого князя. – Она может отправиться на юг. Если дать настоятельнице достаточно золота, она примет Анну и к тому же скроет ее происхождение.

– Благодарю, отче, – сказал Иван, подливая в кубки.

– Однако как мне кажется, у вас есть и более серьезная проблема, – добавил Алексий.

– И не одна, – отозвался великий князь, опустошая свой кубок залпом. Он вытер губы тыльной стороной руки. – О которой говорили вы?

Митрополит коротко кивнул в сторону двери, через которую ушли юные княжичи.

– О юном Владимире Андреевиче, – сказал он, – княжиче Серпуховском. Его семья собирается его женить.

Ивана это не заинтересовало.

– До этого еще далеко: ему всего тринадцать.

Алексий покачал головой.

– Они думают о княжне Литовской, второй дочери правителя. Не забывайте: Владимир – тоже внук Ивана Калиты, и он старше Дмитрия. Если он удачно женится и повзрослеет, то у него будет больше прав на Москву, чем у вашего сына в случае вашей безвременной кончины.

Иван побелел от гнева.

– Не посмеют! Я – великий князь, а Дмитрий – мой сын!

– Ну и что? – бесстрастно отозвался Алексий. – Хан учитывает права князей только тогда, когда это ему на руку. Ярлык получает сильнейший из князей: именно так Орда обеспечивает мир на своих землях.

Иван задумался.

– И что тогда?

– Позаботьтесь, чтобы Владимир женился на другой женщине, – моментально ответил Алексий. – Не на княжне, но чтобы она не была особо незнатной, чтобы это можно было бы посчитать оскорблением. Если она красива, то парнишка достаточно юн, чтобы такое проглотить.

Иван задумался, попивая мед и кусая ногти.

– У Петра Владимировича обширные земли, – проговорил он наконец. – Его дочь – моя племянница, и за ней дадут богатое приданое. Она не может не быть красавицей. Моя сестра была прекрасна, а ее собственная мать настолько очаровала отца, что он на ней женился, хоть она и явилась в Москву нищенкой.

У Алексия загорелись глаза. Он дернул себя за каштановую бороду.

– Да! – подхватил он. – Я слышал, что Петр Владимирович приехал в Москву, чтобы к тому же найти себе жену.

– Да, – согласился Иван. – Он всех удивил. Со смерти моей сестры прошло семь лет. Никто не ожидал, что он снова женится.

– Ну вот, – сказал Алексий, – раз он ищет жену, то почему бы вам не отдать ему свою дочь?

Иван от неожиданности со стуком поставил кубок на стол.

– Анна будет спрятана далеко в северных лесах, – продолжил свою мысль Алексий, – а разве Владимир Андреевич сможет в этом случае отказаться от дочери Петра? От девушки, которая так крепко связана с троном? Это означало бы оскорбить вас!

Иван нахмурился:

– Анна совершенно определенно хотела поступить в монастырь.

Алексий пожал плечами.

– Ну и что? Петр Владимирович жестокостью не отличается. Она будет достаточно довольна. Подумайте о своем сыне, Иван Иванович!

* * *

Демоница сидела в углу за шитьем, но видела ее только она одна. Анна Ивановна сжала крест, висящий у нее на груди. Зажмурившись, она прошептала:

– Уходи! Уходи! Пожалуйста, уходи!

Она открыла глаза. Демоница по-прежнему оставалась на месте, но теперь две прислужницы уставились на Анну. Все остальные с неестественным интересом пялились на собственное рукоделие. Анна пыталась удержаться, чтобы снова не посмотреть в тот угол, но ничего не смогла с собой поделать. Демоница так и сидела на месте, не обращая ни на что внимания. Анна содрогнулась. Плотная льняная рубашка лежала у нее на коленях, словно мертвая тварь. Она сунула руки в ее складки, стараясь спрятать их дрожь.

Еще одна служанка скользнула в светелку. Анна поспешно схватилась за иглу – и была глубоко удивлена, когда стоптанные лапотки замерли перед ней.

– Анна Ивановна, вас требует к себе ваш батюшка.

Анна непонимающе уставилась на нее. Отец не вызывал ее к себе уже почти год. Мгновение княжна сидела в растерянности, а потом вскочила на ноги. Она быстро сменила некрашеный сарафан на ало-охряный, натянув нарядную одежду прямо на грязное тело, и постаралась не обращать внимания на вонь, исходившую от ее длинной каштановой косы.

На Руси любили чистоту. Зимой недели не проходило, чтобы ее единокровные сестры не посещали баню, но там обитал низенький толстобрюхий бес, который ухмылялся им сквозь пар. Анна пыталась на него указывать, но ее сестры ничего не видели. Сначала они принимали это за фантазии, потом – за дурость, а потом просто косо смотрели на нее и вообще ничего не говорили. Тогда Анна приучилась ничего не говорить про соглядатая в бане, как и не упоминать о лысой демонице, которая шила в углу. Однако время от времени она на них смотрела – ей не удавалось с собой справиться, – и, кроме того, она не ходила в баню, если только мачеха не волокла ее силой, или не принуждала, заставив стыдиться себя.

Анна распустила и заново заплела сальную косу и прикоснулась к кресту у себя на груди. Она была самой набожной из всех сестер. Все так говорили. Чего все не знали, так это того, что в церкви присутствовали только неземные лики на иконах. Бесы там не появлялись – и она поселилась бы в церкви, если бы можно было, под защитой ладана и написанных на иконах глаз.

В светлице ее мачехи печка была жарко натоплена, и рядом с ней стоял великий князь, потея в своих зимних богатых одеждах. На его лице было обычное кислое выражение, однако глаза у него блестели. Его жена сидела у огня, и жиденькая коса выбивалась из-под высокого убора. Иголки лежали забытые у нее на коленях. Анна остановилась в нескольких шагах от них и склонила голову. Супруги молча осмотрели ее, а потом отец обратился к ее мачехе.

– Бога ради, женщина, – проговорил он раздраженно, – неужели нельзя заставить эту девицу мыться? Вид у нее такой, словно она живет в свинарнике.

– Это не имеет значения, – ответила ее мать, – если она уже просватана.

До этого Анна смотрела в пол, как подобает воспитанной девушке, но тут вскинула голову.

– Просватана? – прошептала она, с отвращением услышав, насколько визгливо-пронзительным стал ее голос.

– Ты выходишь замуж, – сообщил ей отец, – за Петра Владимировича, одного из северных бояр. Он – человек богатый, и он будет к тебе добр.

– Замуж? Но я думала… надеялась… я собиралась уйти в монастырь. Я бы… я бы молилась за вас, батюшка. Я хотела бы этого больше всего на свете.

Анна судорожно стиснула руки.

– Глупости, – отрывисто бросил Иван. – Тебе понравится рожать сыновей, а Петр Владимирович – человек хороший. Монастырь для девицы – слишком холодное место.

Холодное? Монастырь был надежным! Надежным, безопасным, спасением от ее безумия. Сколько Анна себя помнила, ей всегда хотелось принять монашеские обеты. Сейчас она побледнела от ужаса и, метнувшись вперед, упала на колени и обхватила ноги отца.

– Нет, батюшка! – вскричала она. – Пожалуйста, не надо! Я не хочу замуж.

Иван поднял ее, довольно мягко, и поставил на ноги.

– Не будем об этом, – сказал он. – Я уже решил, и так будет лучше. У тебя будет большое приданое, конечно, и ты родишь мне сильных внуков.

Анна была низенькой и щуплой, и по лицу мачехи было заметно, что у той на этот счет есть большие сомнения.

– Но… прошу вас! – прошептала Анна. – Какой он?

– Спроси у своих женщин, – снисходительно сказал Иван. – Они наверняка уже слышали сплетни. Жена, проследи, чтобы ее вещи были в порядке. И, Бога ради,

заставь ее перед свадьбой вымыться.

Получив приказ уходить, Анна поплелась обратно к своему шитью, глотая рыдания. Замужество! Не уединение, а управление хозяйством своего господина и супруга. Ей не стать монашкой под защитой монастыря, ей предстоит жизнь свиньи, приносящей господину приплод. А северные бояре – мужчины горячие, как сказали служанки: они носят шкуры и имеют сотни детей. Они грубые, воинственные и… как утверждали некоторые… отвергают Христа и поклоняются дьяволу.

Дрожащая Анна стянула через голову нарядный сарафан. Если ее греховное воображение вызывает бесов в относительно защищенной Москве, то каково будет оказаться одной в поместье дикого боярина? Северные леса полны духов, как говорят женщины, а зима длится восемь месяцев в году. Об этом даже думать было невыносимо. Когда девушка снова села за шитье, то руки у нее тряслись так сильно, что она не могла сделать ни одного ровного стежка – и, несмотря на все ее усилия, полотно покрылось пятнами от беззвучных слез.

7. Встреча на рынке

Петр Владимирович, не подозревающий о том, что его судьбу уже решили великий князь и митрополит Московский, на следующее утро встал рано и отправился на рынок на главной площади Москвы. Во рту у него стоял вкус старых грибов, голова болела от выпивки и разговоров. И – «глупый старик дал мальчишке волю!» – его сыну захотелось стать монахом. У Петра на Сашу были большие надежды. Паренек был рассудительнее и умнее старшего брата, лучше разбирался в лошадях и ловчее управлялся с оружием. Петр не представлял для него худшей судьбы, чем поселиться в какой-то лачуге и растить огород к вящей славе Божьей.

«Ну что ж, – утешал он сам себя, – пятнадцать лет – это очень мало». Саша еще образумится. Набожность – это одно, а вот отказ от семьи и наследства ради лишений и холодной постели – совсем другое.

Гул множества голосов заставил его прервать размышления. Петр встряхнулся. В холодном воздухе стояли запахи лошадей и костров, сажи и медовухи. Мужики

с ковшами на поясе расхваливали качество этого напитка, стоя у своих липких бочек. Лоточники с пирожками уже ходили по рядам, а продавцы тканей, самоцветов, воска и редких сортов древесины, меда и меди, чеканной бронзы и золотых украшений старались отвоевать себе побольше места. Их крики возносились к небу, пугая утреннее солнце.

«А рынок в Москве ведь совсем небольшой», – подумал Петр.

Хан жил в Сарае. Именно туда ехали крупные торговцы, чтобы продать диковинки придворным, пресыщенным тремя сотнями лет грабежа. Даже рынки, располагавшиеся южнее, например, во Владимире, или западнее, в Новгороде, были крупнее московского. Однако некоторые купцы все-таки отправлялись на север от Византии, забирались далеко на восток, соблазняясь ценами, которые давали за их товары варвары, – а еще более соблазняясь тем, какие деньги готовы были платить в Царьграде за северные меха.

Петру нельзя было возвращаться домой с пустыми руками. Подарок для Ольги выбрать было легко: он купил ей убор из шелка, расшитого жемчугом, который будет сиять на ее темных волосах. Для троих сыновей он выбрал кинжалы, короткие, но массивные, с инкрустированной рукоятью. Однако как он ни старался, подарок для Василисы ему найти не удавалось. Она не ценила украшения, бусы или уборы. Но и кинжал он ей подарить не мог. Хмурясь, Петр не сдавался – и как раз оценивал увесистые броши, когда заметил странного человека.

Петр не смог бы четко сказать, что в этом человеке было странного, не считая того, что тот был как-то… неподвижен, чем сильно выделялся среди всей этой суеты. Одежды на нем были по-княжески богатыми, сапоги украшены шитьем. На поясе у него висел кинжал с горящими на рукояти белыми камнями. Его черные кудри не были покрыты, что было непривычно для мужчины, особенно в разгар белой зимы: яркое небо и скрипящий под ногами снег. Он был гладко выбрит, что было практически неслыханным на Руси, и издалека Петр не мог определить, молод он или стар.

Петр поймал себя на том, что открыто глазеет, и отвернулся, однако ему было любопытно. Подававший украшения купец доверительно проговорил:

– Любопытствуете, кто тот человек? Вы в этом не одиноки. Он иногда приходит на рынок, но никто не знает, из какого он народа.

Петр посмотрел на него недоверчиво, а купец ухмыльнулся.

– Я правду говорю, господин. Его никогда не видят в церкви, и епископ хотел бы, чтобы его побили камнями как язычника. Однако он богат, он всегда выставляет на продажу совершенно удивительные вещи. И потому князь заставляет церковь молчать, а этот человек появляется – и снова исчезает. Может, он и вовсе дьявол. – Это было брошено почти со смехом, однако купец тут же нахмурился. – Ни разу не видел его в весеннее время. Всегда, всегда он появляется зимой, ближе к смене года.

Петр хмыкнул. Он сам вполне готов был верить в существование дьяволов, но сомневался в том, чтобы они стали прогуливаться по рынкам, что летом, что зимой, наряженными по-княжески. Он покачал головой, указал на браслет и объявил:

– Дурной материал: серебро по краю уже позеленело.

Купец принялся возражать, и они взялись торговаться всерьез, совершенно позабыв про черноволосого чужака.

* * *

Тот самый чужак остановился у лотка шагах в десяти от того места, где стоял Петр. Он провел тонкими пальцами по груде вышитого шелка. Прикосновения ему было достаточно, чтобы определить качество товара, он почти не смотрел на лежащую перед ним ткань. Его светлые глаза быстро скользили по людному рынку.

Продавец тканей наблюдал за чужаком с подобострастной настороженностью. Купцам он был известен, и кое-кто даже считал его таким же торговцем, как они все. Он и раньше привозил в Москву диковины: оружие из Византии, воздушно-легкий фарфор. Купцы об этом помнили. Однако на этот раз у чужака была иная цель – иначе он не приехал бы на юг. Ему не нравились города – и пересекать Волгу было опасно.

Сверкающие краски и чувственная тяжесть материи внезапно показались ему неинтересными – в следующее мгновение чужак оставил ткани и зашагал через площадь. Его лошадь стояла на южной стороне, пережевывая клочки сена. Старик со слезящимися глазами держал ее под уздцы – бледный, худой и странно-невесомый, тогда как белая кобыла была величественна, словно высокая гора, а уздечка на ней была украшена тиснением и чеканным серебром. Проходящие мимо мужчины глазели на нее восхищенно. Она кокетливо прядала ушами, вызвав у своего хозяина слабую улыбку.

Внезапно из толпы вынырнул громадный мужик с потрескавшимися ногтями и схватил лошадь за узду. Лицо ее всадника потемнело. Хотя он не ускорил шага, в этом не было нужды. По толпе пронесся порыв холодного ветра. Мужчины стали хвататься за шапки и распахнувшиеся полы шуб. Конокрад вспрыгнул в седло кобылы и ударил ее в бока пятками.

Однако кобыла не шевельнулась. Не шевельнулся и ее конюх, как это ни странно: он не закричал, не поднял руки. Он просто смотрел, и по его лицу ничего нельзя было прочесть.

Конокрад вытянул лошадь плеткой. Она и копытом не шевельнула, только дернула хвостом. Мгновение растерянный вор промедлил, а потом стало поздно. Хозяин кобылы подошел и сдернул его с седла. Конокрад завопил бы, но вот горло у него перехватило. Хватая ртом воздух, он попытался дотянуться до деревянного нательного креста.

Хозяин лошади жестко улыбнулся:

– Ты покусился на то, что принадлежит мне. И ты думаешь, что вера тебе поможет?

– Государь, – пролепетал тот, – я не знал… я думал…

– Что такие, как я, не ходят среди людей? Так вот: я хожу там, где мне вздумается.

– Пожалуйста! – выдавил вор. – Государь, умоляю…

– Не скули, – проговорил чужак с холодным смешком. – И я пока отпущу тебя ходить на свободе под солнцем. Однако… – Спокойный голос стал тише, а смех ушел из него, словно вода из разбитой чашки. – На тебе моя метка, ты мой, и когда-то я снова к тебе прикоснусь. Ты умрешь.

Конокрад рыдающе вздохнул и внезапно остался один со жгучей словно от огня болью в руке и шее.

Уже сидящий в седле (хотя никто не видел, как он туда вскочил) чужак развернул кобылу и направил ее через давку. Конюх коротко поклонился и растаял в толпе.

Кобыла двигалась быстро и уверенно. Гнев ее седока постепенно утихал.

– Меня сюда привели знамения, – сказал чужак своей кобыле. – Сюда, в этот зловонный город, когда мне не следовало покидать мои земли. – Он провел в Москве уже месяц – в неустанных поисках, вглядываясь в бесконечные лица. – Ну что ж: знамения тоже ошибаются, – заключил он. – И, в конце концов, оно было мимолетным. Возможно, час уже миновал. Возможно, час так и не настанет.

Кобыла развернула ухо к своему седоку. Он сжал губы.

– Нет, – заявил он, – я так легко не сдамся!

Кобыла шла ровной рысью. Мужчина покачал головой. Он еще не проиграл. Волшебство дрожало у него в горле, трепетало на ладони – наготове. Ответ лежит где-то в этом жалком деревянном городе – и он его найдет.

Он направил кобылу на запад, переводя в широкий галоп. Прохлада, царящая среди деревьев, поможет его мыслям проясниться. Он не проиграл.

Пока.

* * *

Запахи браги и собак, пыли и людей встретили чужака, когда он прибыл на великокняжеский пир. Бояре Ивана были крупными мужчинами, привычными к боям и к непростой жизни в стране морозов. Чужак ростом не мог сравняться даже с самым невысокими из них. Многие вытягивали шеи и разворачивались, чтобы посмотреть на него, когда он скользнул в гридницу. Однако никто из них – даже самые храбрые или самые пьяные – не могли встретиться с ним взглядом, и никто не попытался бросить ему вызов. Чужак занимал место за главным столом и пил медовуху, никем не потревоженный. Одна из прислужниц княгини сидела рядом с ним, глядя на него из-под длинных ресниц.

Иван, прищурившись, принял подарки от чужака и предложил ему пировать в его тереме. Приближался Великий пост, так что празднества были шумными. Но… «Тут все одинаковое, – думал чужак. – Все эти тупые сосредоточенные лица». Сидя в шуме и вони, он впервые ощутил… нет, не отчаяние, но готовность смириться.

Именно в этот момент в гридницу вошел мужчина с двумя рослыми сыновьями. Все трое заняли места за главным столом. Взрослый мужчина был совсем обычным, но хорошо одетым. Его старший сын держался горделиво, а второй ступал тихо и взгляд у него был спокойным и серьезным. Совершенно обычные…

И все же.

Взгляд чужака изменился. С этой троицей пришел порыв ветра, северного ветра. В промежутке между двумя вздохами ветер поведал ему историю – о жизни и смерти, о ребенке, родившемся с уходящим годом. А потом, чуть слабее, чужак расслышал рев и удар, словно волна разбилась о скалу. На кратчайшее мгновение в этом душном помещении он ощутил запахи солнца, соли и влажного камня.

– Кровь сохраняется, брат, – прошептал он. – Она жива, я не ошибался.

На его лице отражалось торжество. Он вернулся за стол (хотя на самом деле даже не пошевелился) и с внезапным восторгом улыбнулся, глядя в глаза сидящей подле него женщины.

* * *

Петр совсем забыл про чужака с рынка. Однако когда тем же вечером он пришел на пир к великому князю, то быстро о нем вспомнил: этот же чужак сидел среди бояр, рядом с одной из прислужниц княгини. Она взирала на него, и ее накрашенные веки трепетали, словно раненые птицы.

Петр, Саша и Коля были усажены слева от этой женщины. Хотя именно за ней сейчас ухаживал Коля, она даже не посмотрела в его сторону. Разъярившись, юноша пренебрег едой ради того, чтобы прожигать ее взглядом (чего она не замечала), играть рукоятью кинжала (с тем же успехом) и расхваливать брату красоту некой купеческой дочери (чего зачарованная даже не услышала). Саша старался держаться невозмутимо, как будто притворная глухота могла прекратить эти неблагочестивые речи.

У них за спиной осторожно покашляли. Петр оторвался от столь интересного зрелища – и обнаружил рядом одного из слуг.

– Великий князь желает с вами говорить.

Петр нахмурился и кивнул. После того первого вечера он почти не виделся со своим бывшим шурином. Он разговаривал с бесчисленными дворянами, щедро раздавал мзду и в ответ получал заверения в том, что если он будет и дальше делать подношения, то сборщики дани его не побеспокоят. Кроме того, он вел переговоры относительно женитьбы на скромной приличной женщине, которая стала бы заниматься его домом и растить его детей. Все шло своим чередом. Так что могло понадобиться князю?

Петр прошел вдоль главного стола, заставив псов, крутившихся у Ивана в ногах, щерить зубы. Князь сразу перешел к причине своего внимания.

– Мой юный племянник, Владимир Андреевич, княжич Серпуховской, желает взять в жены твою дочь, – объявил он.

Если бы князь сообщил ему, что его племянник решил заделаться сказителем и играть на гуслях, Петр и то удивился бы меньше. Он покосился на упомянутого княжича, который сидел и пил чуть ниже по столу. Племяннику Ивана было тринадцать лет: паренек, который вот-вот станет мужчиной, подвижный и прыщавый. При этом он приходился внуком Ивану Калите, покойному великому князю. Разве же он не мог рассчитывать на более знатную невесту? Все

честолюбивые семейства, приближенные к князю, подсовывали ему своих юных дочерей, оптимистично предполагая, что за одну из них он зацепится. Зачем предлагать этот брак дочери человека, пусть даже и богатого, но не особо знатного – девушке, которую этот юноша даже не видел и которая к тому же живет довольно далеко от Москвы?

«О!» Петр отбросил свое изумление. Ольга издалека. Иван будет настороженно относиться к местным девицам, которые приведут с собой целую армию родичей: союз между влиятельными семьями обычно дает потомкам царственные амбиции. Прав у юного Дмитрия ненамного больше, чем у его двоюродного брата, а Владимир на три года старше наследника. Князья назначаются волей хана. За дочерью Петра дадут богатое приданое – но этим дело ограничится. Иван старается обуздать московских бояр… к вящей выгоде Петра.

Петр был доволен.

– Иван Иванович, – начал было он.

Однако князь еще не закончил.

– Если ты отдашь свою дочь в жены моему племяннику, я готов выдать за тебя мою собственную дочь, Анну Ивановну. Она прекрасная девушка, кроткая, как голубица, и, конечно же, сможет родить тебе еще сыновей.

Петр изумился во второй раз – и обрадовался несколько меньше. У него и так было трое сыновей, между которыми ему придется разделить свое имение, так что новых ему не нужно было. С чего это князю вздумалось тратить дочь-девственницу на человека, не имеющего большого влияния, которому нужна всего лишь разумная женщина для ведения хозяйства?

Князь выгнул бровь. И все-таки Петр продолжал колебаться.

Да: она Маринина племянница, дочь великого князя и двоюродная сестра его собственных детей, так что ему не подобало спрашивать, что же с ней не так. Даже если она больная, пьющая или гулящая, или… да, даже в этом случае польза от согласия на подобное супружество будет немалой.

– Разве я могу отказаться, Иван Иванович? – промолвил Петр.

Князь важно кивнул.

– К тебе завтра придет мой человек, чтобы обсудить приданое, – сказал он, и снова вернулся к своему кубку и своим псам.

Петру, который понял, что разговор закончен, осталось только вернуться обратно на свое место и сообщить сыновьям новости. Колю он нашел мрачно уставившимся в кубок. Темноволосый чужак ушел, а женщина осталась смотреть ему вслед с выражением такого ужаса и мучительной тяги на лице, что Петр, несмотря на все свои заботы, невольно поймал себя на том, что тянется за саблей… которой при нем не было.

8. Слово Петра Владимировича

Петр Владимирович взял невесту за холодную руку, покосился на ее напряженное личико и задумался о том, не совершил ли он ошибку. Детали его женитьбы спешно обсуждались неделю (чтобы брак можно было заключить до Великого Поста). Все это время Коля заигрывал со служанками, пытаясь разузнать побольше о возможной невесте отца. Прийти к какому-то мнению никак не получалось. Кто-то называл ее хорошенькой. Кто-то утверждал, что у нее на подбородке бородавка, а половина зубов выпала. Говорили, будто отец держит ее взаперти – или что она прячется у себя в покоях и никогда оттуда не выходит. Говорили, что она больная, сумасшедшая, печальная или просто робкая, и, наконец, Петр решил, что в чем бы проблема ни заключалась, дело обстоит хуже, чем он опасался.

И вот теперь, глядя на невесту, которой открыли лицо, он терялся в догадках. Она оказалась миниатюрной, примерно одного возраста с Колей, но вела себя так, что казалась гораздо моложе. Голос у нее был тихий и неуверенный, держалась она покорно, губы были приятно пухлыми. Хотя у них с Мариной и был общий предок, она ничем ее не напоминала – и этому Петр был рад. Коса теплого каштанового цвета обрамляла ее круглое лицо. При более внимательном взгляде можно было заметить напряженные мышцы вокруг глаз – словно с годами ее лицо сожмется, наподобие кулачка. На ней был крест,

который она непрерывно теребила, и глаз она не поднимала, даже когда Петр пытался заглянуть ей в лицо. Как Петр ни старался, ничего явно неправильного он в ней не заметил – если не считать, возможно, зарождающуюся раздражительность. Она определенно не казалась пьяной, пораженной проказой или безумной. Возможно, девушка просто была стеснительной и замкнутой. Возможно, князь, и правда, предложил ему этот брак в знак доброго расположения.

Петр прикоснулся к милым очертаниям губ своей невесты и пожалел, что не может поверить в такую возможность.

После венчания был пир в гриднице ее отца. Столы ломились от рыбы и хлеба, пирогов и сыров. Люди Петра кричали, пели и пили за его здоровье. Великий князь со своей семьей улыбались – более или менее искренне – и желали им много детей. Коля с Сашей говорили мало и не без возмущения посматривали на свою новую мачеху – двоюродную сестру, которая была не старше их самих.

Петр поил жену медом и пытался ее успокоить. Он старался не вспоминать о Марине, которой в момент их женитьбы было шестнадцать: она смотрела ему прямо в лицо, произнося обеты, смеялась, пела и с аппетитом ела на свадебном пиру, и бросала на него косые взгляды, словно приглашая ее напугать. Петр уложил ее в постель, сходя с ума от желания, и целовал до тех пор, пока ее строптивость не уступила место страсти. На следующее утро они встали, чуть пьяные от неги и разделенного наслаждения. А вот это создание, казалось, неспособно было на строптивость – и, возможно, даже на страстность. Голова у нее клонилась под тяжестью убора, на его вопросы она отвечала односложно, и только крошила пальцами кусок хлеба. В конце концов, Петр со вздохом отвернулся от нее и мысленно перенесся на дорогу, вьющуюся по зимнему темному лесу, к снегам Лесного Края и простым занятиям вроде охоты или починки – подальше от этого города улыбчивых врагов и колючих знаков расположения.

* * *

Спустя шесть недель Петр со своим сопровождением были готовы отправиться в путь. Дни становились длиннее, снег в столице начал оседать. Петр с сыновьями посмотрели на снег – и ускорили свои сборы. Если лед станет тоньше до того, как они переедут через Волгу, им придется менять сани на телеги и ждать, пока

через реку можно будет переправиться на плоту.

Петр беспокоился о своих землях и хотел поскорее вернуться к охоте и земледелию. А еще он смутно надеялся на то, что чистый северный воздух успокоит то, чего пугается его жена. Анна хоть и была тихой и послушной, но постоянно озиралась по сторонам, широко раскрывая глаза и касаясь нательного креста. Иногда она вдруг начинала что-то бормотать в пустые углы. Петр каждую ночь приходил к ней в постель – по правде говоря, скорее по обязанности, чем ради удовольствия, но она так ни разу и не посмотрела ему в лицо. Он слышал, как она плачет, когда думает, будто он спит.

Число путешествующих значительно увеличилось с прибавлением вещей и сопровождения Анны Ивановны. Их сани заполнили весь двор, многие слуги держали под уздцы вьючных коней. Сыновья Петра собирались ехать верхом. Сашина кобыла поднимала то одну ногу, то другую, и вскидывала темную голову. Лошадь Коли стояла неподвижно, а сам Коля сутулился в седле, щуря покрасневшие глаза на утреннем солнце. В Москве Коля пользовался немалой популярностью среди боярских сыновей. Он победил их всех в борьбе, и очень многих в стрельбе из лука, перепил почти всех, и покрутил шашни со множеством дворцовых женщин. Короче говоря, он отлично проводил время и совершенно не радовался предстоящей долгой дороге, в конце которой его будет ждать только тяжелая работа.

Что до Петра, то он был доволен их поездкой. Ольгу обручили с таким знатным мужчиной… ну, вообще-то еще пареньком… о каком он даже и мечтать не мог. Сам он тоже женился во второй раз, и пусть его супруга и оказалась довольно странной, но хотя бы не была распутной или больной, и к тому же опять была дочерью великого князя. Так что Петр был рад видеть, что все готово к отъезду. Он осмотрелся в поисках своего серого жеребца, чтобы сесть в седло и уехать.

У головы коня стоял чужак – тот самый мужчина с рынка, который потом пировал за столом великого князя. В суматохе приготовлений к свадьбе Петр и думать забыл о том чужаке, однако вот он тут: гладит Бурана по носу и оценивающе смотрит на жеребца. Петр ждал с некоторым злорадством, когда чужака укусят, потому что Буран терпеть не мог фамильярности, однако спустя несколько мгновений изумленно понял, что конь стоит совершенно неподвижно, повесив уши наподобие старого крестьянского осла.

Недоумевая и злясь, Петр шагнул к ним, но Коля оказался быстрее. Сын нашел объект, чтобы выместить свою ярость, головную боль и общее недовольство. Дав шенкеля своему коню, он остановился всего в одном шаге от чужака – достаточно близко, чтобы копыта мерина заляпали голубое одеяние незнакомца грязным снегом. Мерин прянул в сторону, кося глазом.

– Что ты тут делаешь? – вопросил Коля, справляясь с конем умелой рукой. – Как ты посмел прикоснуться к коню моего отца?

Чужак стер пятно грязи со щеки.

– Очень хороший конь, – отозвался он совершенно спокойно. – Подумываю его купить.

– А не выйдет.

Коля спрыгнул на землю. Старший сын Петра был сильным и широкоплечим, словно тур. Чужак, более низкий и худой, должен был бы показаться рядом с ним хлипким, но это оказалось не так. Возможно, дело было в его взгляде. Встревожившись, Петр ускорил шаги. Коля был то ли еще нетрезвым, то ли просто невнимательным: он принял спокойствие чужака за податливость.

– И как ты рассчитываешь справляться с таким конем, человечишко? – добавил он презрительно. – Беги отсюда к своей милой и предоставь езду на боевых конях сильным мужчинам.

Тронув рукоять кинжала, он шагнул вперед, оказавшись нос к носу с соперником.

Чужак улыбнулся, кривя губы в скромной улыбке. Петр хотел было предупреждающе крикнуть, но слова застыли у него в горле. Мгновение чужак был совершенно неподвижен.

А потом он пришел в движение.

По крайней мере, Петр предположил, что он пришел в движение. Он этого не увидел. Он видел только какой-то отблеск, словно свет на птичьем крыле. Коля

вскрикнул, зажав пальцами запястье, а мужчина оказался у него за спиной, захватив шею рукой и приставив кинжал к его горлу. Это произошло настолько быстро, что даже кони не успели испугаться. Петр рванулся вперед, хватаясь за саблю, но замер, как только чужак посмотрел на него. У того оказались очень странные глаза, Петр таких еще никогда не видел: очень-очень светло-голубые, как ясное небо холодным днем. А руки у него оказались ловкие и твердые.

– Твой сын меня оскорбил, Петр Владимирович, – сказал он. – Мне потребовать его жизнь?

Кинжал шевельнулся. Тонкая красная линия прошла по Колиной шее, окрасив его пробивающуюся бородку. Парень судорожно вздохнул. Петр на него даже не посмотрел.

– Ты в своем праве, – признал он. – Но я тебя прошу: позволь сыну искупить свою вину.

Чужак бросил на Колю презрительный взгляд.

– Пьяный мальчишка, – бросил он, снова крепче сжимая кинжал.

– Нет! – прохрипел Петр. – Возможно, я смогу искупить его вину. У нас есть золото. Или, если желаешь, бери моего коня.

Петр приложил все силы, чтобы не взглянуть на своего прекрасного серого жеребца. Слабая едва заметная улыбка затеплилась в ледяных глазах чужака.

– Щедро, – заметил он. – Но нет. Я подарю тебе жизнь твоего сына, Петр Владимирович, в ответ на одну службу.

– Что за служба?

– У тебя есть дочери?

Вопрос был неожиданным.

– Да, – настороженно ответил Петр, – но…

Искры смеха заплясали в глазах чужака уже заметнее.

– Нет, я не возьму одну из них в наложницы и не овладею ей в сугробе. Ты ведь везешь детям подарки, так? Ну, так у меня есть подарок для твоей младшей дочери. Ты возьмешь с нее клятву никогда с ним не расставаться. А еще ты дашь клятву никогда ни единой живой душе не рассказывать о том, как мы встретились. На таких – и только на таких условиях – я пощажу твоего сына.

Петр на мгновение задумался. «Подарок? Что это за подарок, если его надо вручать, угрожая моему сыну?»

– Я не стану подвергать дочь опасности, – сказал он. – Даже ради сына. Вася еще маленькая девочка, последний ребенок моей жены.

Тем не менее, ему пришлось с трудом сглотнуть, стараясь избавиться от ставшего в горле кома. Колина кровь текла медленным алым ручейком.

Мужчина посмотрел на Петра, сощурившись. Долгое мгновение длилось молчание, а потом чужак сказал:

– Никакого вреда ей не будет. Я в этом клянусь. Льдом, снегом и тысячью человеческих жизней.

– Тогда что это за подарок? – спросил Петр.

Чужак отпустил Колю. Тот стоял, словно лунатик, со странно пустым взглядом. Чужак подошел к Петру и достал из поясного кошеля какую-то вещь.

В самых диких фантазиях Петр не мог бы представить себе то, что ему протянул незнакомец – драгоценный камень, сверкающий серебристо-голубым, опутанный нитями из светлого металла, похожий на звезду или снежинку, был подвешен на цепочку, тонкую, словно шелковая нить.

Петр вскинул голову, собираясь задать вопросы, но чужак его опередил.

– Вот он, – объявил он. – Украшение, и только. А теперь – твое слово. Ты отдашь его дочери и никому не расскажешь о нашей встрече. Если ты свое слово нарушишь, я приду и убью твоего сына.

Петр оглянулся на своих людей. Они стояли с пустотой в глазах, и даже Саша на своей кобыле опустил отяжелевшую голову. У Петра кровь застыла в жилах. Он никогда никого не боялся, но этот жуткий чужак заворожил его людей, и даже его храбрые сыновья были беспомощны. Подвеска показалась ему ледяной и тяжелой.

– Я даю слово, – сказал Петр.

Незнакомец коротко кивнул, повернулся и зашагал прочь по грязному двору. Как только он скрылся из вида, люди Петра зашевелились. Он поспешно спрятал сверкающий предмет в свой поясной кошель.

– Батюшка! – позвал его Коля. – Батюшка, что случилось? Все готово. Мы поедем, как только ты скажешь слово.

Петр молчал, недоверчиво уставившись на сына: пятна крови исчезли, а Коля смотрел на него спокойными покрасневшими глазами, в которых не было и следа от недавнего происшествия.

– Но… – начал было он, но замолчал, вспомнив о своем обещании.

– Батюшка, что случилось?

– Ничего, – ответил Петр.

Он подошел к Бурану, сел в седло и пустил коня шагом, решив забыть об этой странной встрече, однако этому помешали две вещи. Во-первых, когда они этим вечером стали разбивать лагерь, Коля обнаружил у себя на шее пять округлых белых пятен, словно он обморозился, несмотря на то, что борода у него была довольно густая, а шея хорошо укутана. А во-вторых, как Петр ни прислушивался к разговорам своих людей, он не услышал ни единого слова о странном происшествии на дворе. Так что он вынужден был неохотно признать, что является единственным свидетелем, помнившим все.

9. Безумная в храме

Путь домой оказался гораздо более долгим, чем дорога в Москву. Анна была непривычна к поездкам, так что они двигались почти с пешей скоростью и часто останавливались отдохнуть. Несмотря на медленное движение, путешествие оказалось не слишком унылым: они уехали из Москвы с обильным запасом провизии, а также гостили в деревнях и боярских усадьбах, попадавшихся им по дороге.

Как только отряд выехал из города, Петр стал посещать ложе жены с новым пылом, вспоминая ее мягкие губы и нежное юное тело. Вот только каждый раз она встречала его не с гневом или жалобами (с этим он справился бы), а с непонятным безмолвным плачем, со струящимися по пухлым щекам слезами. Одной такой недели хватило, чтобы отвадить от нее Петра – отчасти обозленного, отчасти растерянного. Он начал днем оставлять обоз, охотясь пешком или углубляясь в лес на Буране, так что мужчина и конь возвращались исцарапанные и усталые, и Петр был достаточно утомлен, чтобы думать только о постели. Однако и сон не приносил успокоения: в снах ему являлось сапфировое ожерелье и по-паучьи тонкие белые пальцы на шее его первенца. Он просыпался в темноте, криком вызывая к себе Колю.

Ему нетерпелось оказаться дома, но торопиться было нельзя. Несмотря на все его старания, Анна становилась бледной и слабой и умоляла о прекращении пути все раньше и раньше, чтобы люди поставили шатры и служанки подали ей горячего отвара и согрели онемевшие руки.

Однако, в конце концов, они переехали через реку. Когда Петр решил, что обозу осталось до Лесного Края меньше дня пути, он вывел Бурана на заснеженную дорогу и дал ему волю. Большей части отряда предстояло ехать с санями, а вот они с Колей помчались к дому, словно подхваченные ветром призраки. С невыразимым облегчением Петр вырвался из-под полога леса и увидел собственный дом, серебристый и невредимый под ясным зимним солнцем.

* * *

С отъезда Петра, Саши и Коли Вася каждый день незаметно выскальзывала из дома, как только появлялась такая возможность, и убегала, чтобы залезть на свое любимое дерево: то, которое простирало мощную ветвь над дорогой, ведущей к югу от Лесного Края. Иногда с ней ходил Алеша, но он был тяжелее нее и не так ловко умел карабкаться по деревьям. Так что Вася была в одиночестве в тот день, когда увидела блики от копыт и упряжи. Она соскользнула с дерева с ловкостью кошки и побежала со всех маленьких ножек. Оказавшись у ограды, она начала кричать:

– Батюшка! Батюшка! Это батюшка!

К тому моменту это уже не было новостью: двое всадников двигались быстрее маленькой девочки и уже стремительно скакали по полю, так что все обитатели деревни, стоявшей на взгорке, ясно их видели. Люди переглядывались, гадая, где же остальные, опасаясь за своих близких. Но тут Петр с Колей (Саша остался с санным обозом) ворвались в деревню и осадили коней. Дуня попыталась поймать Васю (та надела Алешину одежду, чтобы залезть на дерево, и к тому же вся перемазалась), но она вывернулась и выбежала на двор.

– Батюшка! – крикнула Василиса. – Коля! – И радостно рассмеялась, когда они по очереди ее подхватили. – Батюшка, ты вернулся!

– Я привез тебе матушку, Васочка, – объявил Петр, осматривая ее и выгибая бровь. Она была вся в древесном мусоре. – Хотя я не говорил ей, что она получит лесную чародейку вместо девочки.

При этом он поцеловал ее испачканную щечку, а она захихикала.

– Ох! А где тогда Саша? – воскликнула Вася, осматриваясь с внезапным испугом. – И где кони с санями?

– Не бойся, они едут за нами, – ответил Петр и добавил погромче, чтобы слышно было всем собравшимся: – Они будут здесь еще до сумерек, надо приготовиться, чтобы их принять. А ты, – снова обратился он к Васе уже тише, – отправляйся на кухню и попроси, чтобы Дуня тебя переодела. Я бы все-таки хотел познакомить с мачехой дочку, а не лесную чародейку.

Он поставил дочку на землю и чуть подтолкнул. Ольга сразу же утащила сестру на кухню.

Сани подкатили на закате. Они с усталой неспешностью протащились по полям и заехали в ворота деревенского палисада. Прибывших встретили радостными криками, дивясь красивому закрытому возку, в котором приехала новая жена Петра Владимировича. Почти вся деревня собралась, чтобы на нее посмотреть.

Анна Ивановна вылезла из саней, спотыкаясь – закоченевшая, бледная как снег. Вася решила, что на вид она чуть ли не младше Оли, и совсем не такая старая, как их отец. «Ну, вот и хорошо, – подумала девочка. – Может, она будет со мной играть».

Она постаралась улыбнуться как можно приветливее, но Анна не ответила ни словом, ни знаком. Она ежилась под чужими взглядами, и Петр запоздало вспомнил, что в Москве женщины жили отдельно от мужчин.

– Я устала, – прошептала Анна Ивановна и поплелась в дом, цепляясь за Ольгину руку.

Люди недоуменно переглядывались.

– Ну, дорога-то была долгая, – решили они, наконец. – Со временем все будет хорошо. Она – дочь великого князя, как была Марина Ивановна.

Местные жители гордились тем, что такая женщина приехала жить среди них. Они вернулись в свои избы, чтобы разжечь огонь и поесть жидких щей.

Но в доме Петра Владимировича все сели пировать, насколько это можно было во время поста и к тому же в конце зимы, когда с припасами становится туго. Получилось вполне прилично: рыба и каша. После этого Петр с сыновьями рассказали о своей поездке, а Алеша скакал вокруг, угрожая поранить пальцы прислуги своим великолепным новым кинжалом.

Петр собственноручно надел на черноволосую головку Ольги новый убор и сказал:

– Надеюсь, ты его наденешь на свадьбу, Оля.

Ольга зарумянилась и побледнела, вспыхнула, и затем побледнела, а Вася молча устремила на отца свои бездонные глазищи. Петр повысил голос, чтобы его услышали все:

– Она станет княгиней Серпуховской. Ей нашел жениха сам великий князь!

С этими словами он поцеловал дочь. Ольга улыбнулась, ликующе и чуть испуганно. Тихого безнадежного вскрика Васи никто не услышал.

Как только пир подошел к концу, Анна отправилась в постель. Ольга пошла ей помогать, а Вася увязалась следом. Постепенно кухня опустела.

Сумерки перешли в ночь. Угли в печи подернулись золой, воздух на кухне охладился. Наконец Петр и Дуня остались вдвоем. Старуха плакала, сидя на своем месте у печки.

– Я знала, что этот день наступит, Петр Владимирович, – проговорила она. – И если какая-то девушка и заслуживает стать княгиней, то это моя Оля. Но это так тяжело! Она будет жить в Москве, в тереме как ее бабка, и я больше никогда ее не увижу. Я слишком стара, чтобы куда-то ездить.

Петр сел у огня, теребя украшение, которое он переложил себе в карман.

– Это случается со всеми женщинами, – сказал он.

Дуня не ответила.

– Вот что, Дуняшка, – объявил Петр таким странным голосом, что старая нянька тут же повернулась, чтобы посмотреть на него. – У меня есть подарок для Васи.

Он уже подарил ей отрез хорошей зеленой ткани на нарядный сарафан. Дуня нахмурилась.

– Еще один, Петр Владимирович? – переспросила она. – Она разбалуется.

– Ну и что, – ответил Петр. Дуня щурилась на него в полумраке, удивленная выражением его лица. Петр сунул Дуне подвеску, словно стремясь поскорее от нее избавиться. – Отдай это ей сама. Следи, чтобы она всегда была при ней. Пусть она пообещает, Дуня.

Вид у Дуни стал еще более озадаченным, однако она взяла холодное голубое украшение и, щурясь, стала его рассматривать.

Петр нахмурился еще сильнее и протянул руку, словно для того, чтобы забрать вещь назад. Однако пальцы у него сжались в кулак, и движение осталось незаконченным. Он резко развернулся и отправился спать. Дуня, оставшись одна на темной кухне, уставилась на подвеску. Крутя его так и эдак, она забормотала себе под нос:

– Ну-ну, Петр Владимирович, – пробубнила она, – и как это мужчина в Москве мог заполучить такую драгоценность?

Качая головой, Дуня спрятала подвеску в карман, решив надежно ее припрятать, пока девочка не подрастет настолько, чтобы ей можно было доверить дорогую вещицу.

Спустя три дня старой няне приснился сон.

Во сне она снова была девушкой и шла одна по зимнему лесу. По дороге разнесся чистый звон бубенцов. Она обожала кататься на санях – и поспешно обернулась. К ней приближался белый конь. Им правил мужчина с черными волосами. Он не стал останавливаться рядом с ней, а поймал за руку и грубо втащил на сани. Его взгляд не отрывался от дороги. Вихрь ледяного январского ветра кружил вокруг него, несмотря на зимнее солнце.

Дуне вдруг стало страшно.

– Ты взяла то, чего тебе не давали, – объявил он. Дуня содрогнулась: в его голосе слышалось завывание вьюги. – С чего это? – Зубы у нее стучали так сильно, что она не могла выговорить ни слова. Мужчина повернулся к ней вспышкой холодного зимнего света. – Эта подвеска предназначалась не тебе! – прошипел он. – Почему ты ее взяла?

– Отец привез ее Василисе, но она еще маленькая. Я ее увидела и поняла, что это оберег, – пролепетала Дуня. – Я ее не крала, нет!.. Но я боюсь за девочку. Помилуйте, она еще слишком мала, слишком мала для колдовства или внимания старых богов.

Мужчина захохотал. Дуня услышала в этом звуке обжигающую горечь.

– Богов? Теперь Бог всего один, дитя, а я всего лишь ветер в голых ветвях.

Он замолчал, а дрожащая Дуня ощутила вкус крови из прикушенной губы.

Потом он кивнул.

– Хорошо: тогда храни его для нее, пока она не вырастет, но не дольше. Думаю, нет нужды говорить тебе, что случится, если ты меня обманешь.

Дуня обнаружила, что быстро кивает и трясется еще сильнее. Мужчина щелкнул кнутом. Конь ускорил свой бег, помчавшись по снегу еще быстрее. Дуня почувствовала, что не может удержаться в санях, попыталась за что-нибудь схватиться, но упала, завалилась назад…

Она проснулась с криком на собственной постели на кухне. Лежа в темноте, она продолжала дрожать и очень не скоро смогла согреться.

* * *

Анна неохотно просыпалась, смаргивая сны с ресниц. Сон был хороший наконец-то: там был теплый хлеб и кто-то с добрым голосом. Но как она ни старалась удержать воспоминание, сон ускользнул, оставив ее опустошенно кутаться в одеяло, чтобы защититься от утреннего холода.

Она услышала шуршание и повернула голову. Бес сидел на ее собственном месте и штопал одну из рубах Петра. Серый свет зимнего утра бросал полосы тени на корявое существо. Она содрогнулась. Супруг храпел рядом с ней, ничего не замечая, и Анна попыталась не обращать внимания на потустороннее существо, как делала все семь дней, просыпаясь в этом отвратительном месте. Она отвернулась и зарылась в одеяла, однако согреться ей не удавалось. Ее муж

сбросил с себя одеяло, а ей здесь все время было холодно. Когда она просила, чтобы огонь разожгли посильнее, служанки смотрели на нее молча в вежливом недоумении. Она хотела было подползти поближе, чтобы воспользоваться мужниным теплом, но тогда он мог решить, что снова ее хочет. Хоть он и старался быть мягким, но не отступался, а ей почти всегда хотелось, чтобы ее оставили в покое.

Она рискнула снова посмотреть на свой стул. Бес уставился прямо на нее.

Анна больше не могла это выносить. Она соскользнула с постели, кое-как оделась и замотала шарфом полураспущенные волосы. Пробежав по кухне, она привлекла изумленный Дунин взгляд: та всегда вставала рано, чтобы поставить печься хлеб. Серый рассвет начал розоветь, земля сверкала, словно усеянная драгоценными камнями, но Анна не замечала снега. Она видела только деревянную церквушку всего в двадцати шагах от дома. Ни на что не обращая внимания, она подбежала к ней, распахнула дверь и оказалась внутри. Ей хотелось плакать, но она сжала зубы и кулаки и справилась со слезами. Она и так слишком много плачет.

Здесь, на севере, ее безумие стало сильнее, намного сильнее. Дом Петра кишел бесами. Существо с глазами-углями пряталось в печи. Мужичок в бане подмигивал ей сквозь пар. Бес, похожий на кучу хвороста, слонялся по двору.

В Москве бесы на нее не смотрели – ни единого взгляда не бросали, а здесь они на нее глазели! Некоторые даже подходили совсем близко, словно собирались заговорить, и каждый раз Анне приходилось убегать, навлекая на себя ненавистное изумление мужа и его семейства. Она видела их все время, повсюду, за исключением церкви.

Благословенная, тихая церковь! Ее, конечно, нельзя было сравнивать с московскими храмами. Здесь не было золота или даже позолоты, и службы отправлял всего один священник. Иконы были маленькие и плохо написанные. Однако здесь Анна не видела ничего, кроме стен и пола, икон и свечей. В полутени не появлялось никаких лиц.

Она задержалась там надолго, то молясь, то просто уставясь в пространство. Уже давно рассвело, когда она, наконец, приплелась обратно в дом. На кухне было тесно, огонь ревел. Здесь непрестанно пекли, томили, чистили и сушили

что-то, от темна до темна. Женщины не обратили внимания на проскользнувшую в дом Анну, никто даже головы не повернул. Анна приняла это в первую очередь как осуждение ее слабости.

Первой подняла голову Ольга.

– Хотите хлеба, Анна Ивановна? – спросила она.

Ольга не испытывала теплых чувств к жалкому созданию, которое заняло место ее матери, но она была девушкой доброй и жалела мачеху.

Анна была голодна, но в устье печи сидело крохотное седое существо. Борода у него светилась жаром, и оно глодало подгоревшую корочку.

Губы у Анны Ивановны зашевелились, но она не смогла ничего сказать. Крохотное существо отвлеклось от хлебной корки и наклонило голову. В его ярких глазах светилось любопытство.

– Нет, – прошептала Анна. – Нет, мне не надо хлеба.

Она повернулась и убежала под сомнительную защиту собственной комнаты, а женщины на кухне переглянулись и медленно покачали головами.

10. Княжна Серпуховская

Следующей осенью Колю женили на дочери соседнего боярина. Она была толстая здоровая светловолосая девица, и Петр построил им отдельный дом с хорошей глиняной печью.

Однако все ждали пышной свадьбы, после которой Ольга Петровна станет княжной Серпуховской. О ней сговаривались почти год. Подарки прибыли из Москвы еще до того, как дороги превратились в непролазную грязь, а вот детали заняли гораздо больше времени. Путь из Лесного Края в Москву был нелегким. Гонцы запаздывали или исчезали: они ломали шеи, их грабили, их кони начинали хромать. Однако, наконец, все было обговорено. Юный княжич Серпуховской

должен был приехать сам со свитой, жениться на Ольге и увезти ее с собой в Москву.

– Будет лучше, если она станет женой до поездки, – сказал гонец. – Ей будет не так страшно.

А еще, мог бы добавить гонец, Алексий, митрополит Московский, желал, чтобы брак был заключен до того, как Ольга приедет в город.

Княжич приехал в тот момент, когда бледная весна перешла в ослепительное лето, с мягким, капризным небом и блеклыми цветами в море летних трав. За год он возмужал, прыщи исчезли. Хотя красавцем он так и не стал, а свою стеснительность скрывал за бойким добродушием.

С княжичем Серпуховским приехал и его двоюродный брат, светловолосый Дмитрий Иванович, радостно поздоровавшийся со всеми. Княжичи путешествовали с соколами, гончими и конями, с женщинами в резных возках и привезли много подарков. А еще с юношами был опекун: ясноглазый монах, не слишком старый, который больше молчал, чем говорил. Кавалькада подняла немалый шум, пыль и бряцанье. Вся деревня сбежалась поглазеть на них, и многие выражали готовность предложить приезжим гостеприимство в своих избах и отвести усталых лошадей пастись. Юный княжич Владимир смущенно надел Ольге на палец кольцо со сверкающим зеленым бериллом, и в доме воцарилось веселье, которого не видели со смерти Марины.

* * *

– По крайней мере, он юноша добрый, – сказала Дуня Ольге в одну из редких тихих минут.

Они сидели вместе у широкого окна летней кухни. Вася устроилась у Ольгиных ног, прислушиваясь к разговору и делая вид, будто занята штопкой.

– Да, – согласилась Ольга. – И Саша поедет со мной в Москву. Он проводит меня в мужнин дом перед тем, как поступить в свой монастырь. Он обещал.

Кольцо с бериллом сияло у нее на пальце. Ее жених также огрузил ей шею бусами из крупного янтаря и подарил отрез чудесной ткани, яркой словно маки. Дуня уже обметывала ее, чтобы сшить сарафан. Вася только делала вид, будто шьет: ее ручонки были стиснуты на коленях.

– У тебя все будет хорошо, – твердо сказала Дуня, перекусывая нитку. – Владимир Андреевич богат и достаточно молод, чтобы прислушиваться к советам жены. Очень благородно, что он приехал и женился на тебе здесь, у тебя дома.

– Он приехал потому, что его заставил митрополит, – уточнила Ольга.

– И великий князь к нему благоволит. Он – лучший друг юного Дмитрия, это хорошо видно. Он займет высокое место, когда Иван Красный умрет. Ты будешь влиятельной госпожой. Лучшего и желать нельзя, Оля.

– Да-а… – медленно протянула Ольга. Вася у нее в ногах понурилась. Ольга наклонилась и погладила сестру по голове. – Наверное, он добрый. Но я…

Дуня усмехнулась:

– Ты надеялась, что появится принц-ворон, как в той сказке, где он явился за сестрой князя Ивана?

Ольга покраснела и засмеялась, но ничего не ответила. Зато она подняла Василису – хоть та уже была слишком большой девочкой, чтобы ее брали на руки, – как маленького ребенка, и начала укачивать. Вася замерла на руках у сестры.

– Ш-ш, лягушонок, – сказала Ольга сестре, словно успокаивая младенца. – Все будет хорошо.

– Ольга Петровна, – напомнила ей Дуня, – милая моя Оля, сказки для детей, а ты уже женщина, и скоро станешь женой. Выйти замуж за приличного человека и чувствовать себя в безопасности у него в доме, молиться Богу и рожать здоровых сыновей – это правильно, это и есть настоящая жизнь. Пора отбросить мечты. Сказки приятно слушать зимними ночами, но и только. – Дуне вдруг

вспомнились светлые холодные глаза и еще более холодная рука. «Хорошо, пока она не выросла, но не дольше». Она вздрогнула и добавила уже тише, глядя на Васю: – Даже девиц в сказках не всегда ждет счастье. Аленушку превратили в утку, и ей пришлось смотреть, как злая ведьма убивает ее утяток. – Заметив, что Ольга все еще с грустным видом гладит Васю по голове, она добавила уже довольно сурово: – Девочка, такова женская доля. Думаю, ты не хочешь стать монашкой. Ты можешь его полюбить. Твоя мать до свадьбы вообще не видела Петра Владимировича, и я помню, как она боялась, а ведь у твоей матушки хватило бы храбрости сразиться с самой Бабой-ягой. Но они полюбили друг друга с первой же ночи.

– Матушка умерла, – сказала Ольга мрачно. – Ее место заняла другая. А я уезжаю навсегда.

Василиса уткнулась ей в плечо и глухо завыла.

– Она никогда не умрет, – решительно возразила Дуня, – потому что жива ты, и ты так же прекрасна, как она, и станешь матерью князей. Будь смелее. Москва – красивый город, и братья будут тебя навещать.

* * *

Этой ночью Вася залезла к Ольге в постель и горячо попросила:

– Не уезжай, Оля! Я больше не буду безобразничать. Даже на деревья лазить не буду.

Дрожа, она вытаращила на сестру громадные глазищи. Ольга невольно рассмеялась, хоть под конец смех ее стал похож на рыданье.

– Надо, лягушонок, – ответила она. – Он княжич, он богатый и добрый, Дуня правду говорит. Я должна выйти за него или уйти в монастырь.

А я хочу родить детей, десять лягушат, таких же, как ты.

– Но у тебя ведь есть я, Оля! – возразила Вася.

Оля притянула ее к себе.

– Но однажды ты и сама вырастешь и больше не будешь ребенком. И зачем тебе тогда будет нужна дряхлая старшая сестра?

– Ты всегда будешь мне нужна! – с жаром выпалила Вася. – Всегда! Давай убежим и станем жить в лесу.

– Не думаю, что тебе понравилось бы жить в лесу, – сказала Ольга. – Нас может съесть Баба-яга.

– Нет! – совершенно уверенно заявила Вася. – Там есть только одноглазый человек. Если не подходить к дубу, он нас не найдет.

Оля не знала, как это понимать.

– У нас будет избушка среди деревьев, – добавила Вася. – И я стану приносить тебе орехи и грибы.

– У меня есть идея получше, – предложила Оля. – Ты уже большая девочка, а через несколько лет станешь женщиной. Я пришлю за тобой из Москвы, как только ты вырастешь. Мы будем двумя княгинями в тереме, и ты найдешь себе князя. Что скажешь?

– Но я уже выросла, Оля! – тут же воскликнула Вася, глотая слезы и садясь в постели. – Смотри: я стала намного больше.

– Еще нет, по-моему, сестренка, – мягко ответила Ольга. – Но потерпи, слушайся Дуню и ешь побольше каши. Когда батюшка скажет, что ты выросла, я за тобой пошлю.

– Я спрошу батюшку, – решительно заявила Вася. – Может, он скажет, что я уже выросла.

* * *

Саша узнал монаха, как только тот зашел на двор. Среди суматошных приветствий и передачи подарков и пиршественных приготовлений под по-летнему зелеными березами он бросился вперед, поймал руку монаха и поцеловал ее.

– Отче, вы приехали! – воскликнул он.

– Как видишь, сын мой, – с улыбкой ответил монах.

– Но путь такой далекий!

– Вовсе нет. Когда я был моложе, то обошел всю Русь, и Слово было мне путем и щитом, хлебом и солью. Теперь я стар и живу в лавре. Но мир по-прежнему добр ко мне, особенно на севере летом. Я рад тебя видеть.

Чего он не сказал (по крайней мере, в тот момент), так это то, что великий князь болен и поэтому женитьба Владимира Андреевича стала еще более срочной. Дмитрию только-только исполнилось одиннадцать лет, и веснушчатый мальчишка был очень избалован. Мать не спускала с него глаз и даже спала у его постели. Маленькие наследные княжичи частенько исчезали, если их отцы умирали раньше срока.

Той весной Алексий вызвал святого Сергия Радонежского к себе в кремлевские палаты. Сергий и Алексий были давно знакомы.

– Я отправляю Владимира Андреевича на север, жениться, – сказал Алексий. – И как можно скорее. Он должен жениться до того, как Иван умрет. Юный Дмитрий поедет со свадебным кортежем. Так он окажется вне опасности: его мать опасается за жизнь сына, если он останется в Москве.

Отшельник и митрополит пили разбавленную медовуху, сидя на деревянной скамье на огороде.

– Так Иван Иванович серьезно болен? – спросил Сергий.

– Кожа у него серая и желтая, он потеет, от него воняет, и глаза у него мутные, – ответил митрополит. – Если будет на то воля Божья, он останется жив, но если

нет – я буду готов. Я не могу оставить город. Дмитрий так юн! Я попрошу тебя поехать со свадебным кортежем, проследить за ним и позаботиться, чтобы Владимир женился.

– Владимиру предстоит жениться на дочери Петра Владимировича, так ведь? – уточнил Сергий. – Я познакомился с сыном Петра. Его зовут Сашей. Он приезжал ко мне в лавру. Никогда таких глаз не видел! Он станет монахом, святым или героем. Год назад он хотел принять постриг. Возможно, и сейчас хочет. Лавре пригодился бы такой брат.

– Ну, так поезжай и посмотри, – посоветовал Алексий. – Уговори сына Петра вернуться в лавру с тобой. Дмитрию придется пожить у тебя в монастыре, пока он не повзрослеет. Очень хорошо, если с ним рядом окажется Александр Петрович, кровный родственник, преданный вере. Если Дмитрий станет великим князем, ему понадобятся как можно больше умных союзников.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

На Руси замужние женщины заплетали волосы в две косы и укладывали их венцом на голове. Обязательно покрывались платком. Но в фэнтези допустимы расхождения с историческими фактами. (Прим. ред.)

2

Штопкой занимались крестьянки. Боярыни и княгини владели искусством вышивания, церковным золотым шитьем. Возможно, здесь боярыня штопает от скуки. (Прим. ред.)

3

Боярские дети не работали как мастеровые, но в фэнтези допускаются расхождения правды с вымыслом. (Прим. ред.)

4

Ваше Высокопреосвященство – обращение к митрополиту, лицу, носящему второй после патриарха духовный сан. (Прим. ред.)

Купить: https://tellnovel.com/arden_ketrin/medved-i-solovey

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити